Александр I = Фёдор Кузьмич старец ?

Г. Василич

Александр I = старец Фёдор Кузьмич?

«Издательство Захаров»

УДК 82-94
ББК 4.5

Василич Г.

Александр I = старец Фёдор Кузьмич? / Г. Василич — «Издательство Захаров»,

ISBN 978-5-8159-0960-1

Над этой загадкой историки размышляют вот уже полтора столетия. Существует легенда, что император Александр I не умер в Таганроге 19 ноября 1825 года, а, удалившись от престола, провел почти тридцать лет в Сибири в образе тихого старца Фёдора Кузьмича. Тождество этих двух людей – плод народной фантазии? Или возможен путь – из монархов в монахи? И между императором и старцем можно поставить знак равенства?

УДК 82-94
ББК 4.5

ISBN 978-5-8159-0960-1

© Василич Г.
© Издательство Захаров

Содержание

Г. Василич 5
Предисловие первого издателя 5
Последние годы царствования Александра 6
Отъезд на юг и Таганрог 16
Над умершим 29
Легенды и слухи 37
Характер Александра и его болезнь 41
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Император Александр I = старец Фёдор Кузьмич?

Г. Василич
Легенда о старце Фёдоре Кузьмиче (1909)

Предисловие первого издателя

Выпуская в свет в прошлом году книгу, где развенчивалась одна из богатейших фантазий русского прошлого, мы писали, что достоверные факты бессильны там, где выступают легенда и фантастика… И мы не ошибались: прочитав исследование профессора Лунинского о княжне Таракановой, многие не могли отрешиться от прежних представлений об этой особе, несмотря на всю убедительность, ясность и доказанность фактов.

Теперь мы хотим говорить о другой легенде из русской истории, более близкой по времени и более удивительной: о старце Кузьмиче и Александре Первом. Говорить с предубежденным читателем – задача не из благодарных, поэтому мы не стараемся в чем-нибудь разубеждать, а желаем только выяснить, возможен ли факт, рассказываемый в легенде, и если невозможен, то почему возникла сама легенда. Таким образом, наша задача сводилась к тому, чтобы показать сходство и различие между двумя историческими личностями, которых людская фантазия желает отождествить. В этом случае наше внимание прежде всего обратилось к императору Александру и старцу Кузьмичу – как психическим типам, так как психологические факторы возникновения легенды превосходят здесь все другие. Мы не будем повторять здесь того, что читатель найдет в самой книге, а предупредим его, что автор исследования, г-н Василия, нарочно старался дать возможно больше *фактического* и *документального* материала и воздерживался от каких-либо голословных заключений, так как он постоянно помнил, что имеет дело с легендой и предубеждением, в борьбе с которыми важнее всего факт.

Г.Балицкий

Последние годы царствования Александра

Едва ли кто другой из русских царей, кроме Петра I, превзошел Александра I в страсти к передвижениям и путешествиям и даже не только по своему государству, но и за границей. Почти непрерывное странствование вело за собою то, что оба они редко видели своих близких и бывали в столице лишь наездами.

22 мая 1818 года Александр при объезде юга России посетил в первый раз город Таганрог, которому во второе его посещение суждено было сыграть такую роковую роль в судьбе императора. Дневки, ночевки, встречи, балы, обеды – все это должно было неблагоприятно действовать на здоровье путешественника, тем более что в то время в России не было ни железных, ни шоссейных дорог. Местами и теперь еще сохранились остатки дорог, которые прокладывались услужливыми администраторами для царственных путешественников, например, Екатерининская дорога между селом Царицыном и селом Дубровицами Подольского уезда. Но это можно было сделать на коротком расстоянии, а всю Россию такими дорогами не покроешь.

Не всегда и не везде бывали балы и обеды, иногда приходилось питаться одним картофелем; иногда неудобства пути доходили до такого предела, когда самая жизнь путников подвергалась опасности, например, при переправе в шлюпке через озеро Улео в Финляндии; или, например, на обратном пути: императору пришлось идти пешком, вести свою лошадь и чистить ее, когда она при переправе вброд выпачкалась в грязи. Но как ни идиллично было это путешествие, жизнь не ждала, а советчикам государя было не до сентиментальностей, им было в пору лишь успевать творить расправы, душой которых был Аракчеев.

Несмотря на все его старания смягчить впечатление, ему все же приходилось нередко огорчать своего повелителя, и вот, как раз во время путешествия по Финляндии, случилось событие, которое могло бы, казалось, менее предубежденного человека заставить призадуматься: в военном поселении, в Чугуеве, вспыхнул бунт. Жестокость его усмирения должна была быть как-нибудь скрашена, и вот здесь временщик открыл новую струну в душе Александра, на которой ему было выгодно играть, – это было мистическое и религиозное настроение государя.

Вот как писал граф в своем донесении: «По разным собственным моим о сем днем и ночью рассуждениям, с призыванием на помощь всемогущего Бога, я видел, с одной стороны, что нужна решимость и скорое действие, а с другой, слыша их злобу единственно на меня, как христианин, останавливался в собственном действии, полагая, что оное, может быть, по несовершенству человеческого творения, признаться может строгим или мщением за покушение на мою жизнь. Вот, государь, самое затруднительное положение человека, помнящего свое несовершенство. Но важность дела, служба Отечеству и двадцатипятилетняя привязанность к лицу императора Александра I решили меня, составя комитет, рассуждать в оном по делам, до возмущения касающимся, действовать же строго и скоро от лица моего, в виде главного начальника…

После всех сих предварительных мер, в исполнение приведенных, и когда военный суд был окончен и представлен ко мне на конфирмацию, по коему приговорено к лишению живота 275 преступников, я дал предписание дивизионному командиру генерал-лейтенанту Лисаневичу, что утверждаю его мнение о наказании их шпицрутенами каждого через тысячу человек по двенадцати раз, с тем, чтоб наказание сие было учинено в первый день только сорока человекам, из главнейших преступников… Определенное наказание было произведено в Чугуеве 18 августа, и к оному были приведены из Волчанска все арестанты и из Змиева главнейшие бунтовщики. При оном находились и все арестанты, содержащиеся в Чугуеве, и депутаты, бывшие у меня в Харькове. Ожесточение преступников было до такой степени, что из сорока человек трое, раскаявшись в своем преступлении, просили помилования; они на месте про-

щены, а прочие 37 наказаны; но сие наказание не подействовало на остальных арестантов, при оном бывших, хотя оно было строго и примерно, ибо пехотные солдаты, по неудовольствию своему на чугуевцев за их возмущение, сильно их наказывали. Впрочем, при сем наказании присутствовали медицинские чиновники, кои прекращали оное по силе и сложению каждого преступника.

По окончании сего наказания спрошены были все ненаказанные арестанты, каются ли они в своем преступлении и прекратят ли свое буйство? Но как они единогласно сие отвергли, то начальник штаба поселенных войск, с согласия моего, приказал из них взять первых возмутителей и наказать на месте же шпицрутенами, а толпа преступников, под арестом находящаяся, только тогда пришла в повиновение и начала просить помилования, когда наказано из них было пятнадцать человек. В то же самое время наказание прекращено, и все арестанты, не бывшие под судом, приведены вновь к присяге… Принеся в душе моей благодарность Всевышнему, я немедленно переехал на жительство в Чугуев, в середину самого города, призвал к себе депутатов и объявил им, что приму на себя ответственность остановить наказание, судом определенное, и пошлю к вам, государь, просить за них всемилостивейшее прощение, если исполнят следующее: дадут мне список главных зачинщиков беспорядка, отыщут бумаги, при начале сего возмущения ими писанные, и найдут, или, по крайней мере, откроют место убежища трех преступников, бежавших в первые дни беспокойства.

С помощью Божией сие имело желанный успех… Действующие эскадроны Чугуевского уланского полка выступили в Чугуев в военном порядке; я лично объявил им благоволение вашего величества, и они прошли мимо церемониальным маршем, шагом повзводно и рысью полу-эскадронно. После сего приказал я представить к себе находившихся под их присмотром, на общественной полковой работе, 438 нижних чинов поселенных и резервных эскадронов, бывших в числе ослушников, и, отобрав из них зачинщиков, отправил оных под арест, а остальным объявил, чтобы кающиеся в своем преступлении пали на колени и просили прощения. К удовольствию моему, сие исполнилось в одно мгновение, и я, оставя их в сем положении на коленях, приказал действующим эскадронам следовать в свои квартиры мимо их, а потом, сделав им должное наставление, простил и распустил по домам… К предупреждению же всякого беспорядка везде нахожусь сам и надзираю лично, надеясь всегда на благость Создателя».

Контраст между приветливостью финляндцев, старавшихся всеми силами и средствами угодить императору, и этим жестоким донесением был поистине разителен, а между тем Александру приходилось делать хорошую мину при плохой игре и отвечать временщику хотя сдержанно, но любезно. Он даже решается ему напомнить: «Сделано ли нами все обещанное полку?»

С этих пор наступил как бы какой-то поворот в судьбе императора: в Варшаве ему пришлось столкнуться тоже не с радостными вестями о недовольстве Константином Павловичем и в армии и в администрации. Вскоре скончался граф С.К.Вязьмитинов, что тоже очень огорчило государя. В следующем году (1820) пришлось заняться вопросом о престолонаследии в связи с расторжением брака Константина Павловича с великою княгиней Анной Федоровной, удалившейся за границу. После этого появился манифест такого содержания: «При сем, объемля мыслию различные случаи, которые могут встречаться при брачных союзах членов императорской фамилии, и которых последствия, если не предусмотрены и не определены общим законом, сопряжены быть могут с затруднительными недоумениями, Мы признаем за благо, для непоколебимого сохранения достоинства и спокойствия императорской фамилии и самой империи нашей, присовокупить к прежним постановлениям об императорской фамилии следующее дополнительное правило. Если какое лицо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, в таком случае лицо императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рожда-

емые от такового союза дети не имеют права на наследование престола. Изъявляя сию волю нашу настоящим и будущим членам императорской нашей фамилии и всем верным нашим подданным, по точному праву, определенному в 23 пункте «Учреждения об императорской фамилии», пред лицом Царя царствующих обязуем всех и каждого, до кого сие касаться может, сохранять сие дополнительное наше постановление в вечные времена свято и ненарушимо».

На самом же деле это произошло из-за женитьбы Константина Павловича на графине Иоанне Грудзинской, названной в тайном манифесте княгинею Лович.

Еще до начала цикла поездок по России Александр был взволнован и потрясен пожаром в Царскосельском дворце, истребившим значительную его часть; Александр видел в этом даже дурное предзнаменование.

Наряду со злым гением у себя дома в образе Аракчеева, Александр и вне своего государства имел такого же в лице Меттерниха: на конгрессе в Троппау последний явно задался целью подчинить себе Александра. Меттерних имел с ним трехчасовую беседу и обратил внимание своего собеседника на замеченную в нем сравнительно с 1813 годом перемену. На это Александр сказал ему: «Вы не понимаете, почему я теперь не тот, что прежде; я вам это объясню. Между 1813 годом и 1820 протекло семь лет, и эти семь лет кажутся мне веком. В 1820 году я ни за что не сделаю того, что совершил в 1813-м. Не вы изменились, а я. Вам не в чем раскаиваться; не могу сказать того же про себя».

В это же время было получено известие о бунте в Семеновском полку; об этом происшествии император совещался с Меттернихом. По этому случаю последний пишет так: «Царь полагает, что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы три тысячи русских солдат решились на поступок, так мало согласующийся с народным характером. Он доходит до того, что воображает, что не кто иной, как радикалы, устроили все это, чтобы застращать его и принудить вернуться в Петербург; я не разделяю его мнения. Превосходило бы всякую меру вероятия, если бы в России радикалы уже могли располагать целыми полками, но это доказывает, насколько император изменился».

После четырехлетнего отсутствия Александра, казалось, настало уже время возвратиться ему в свою столицу, где его ждали. Он ограничился письмом к княгине Софье Сергеевне Мещерской 23 октября 1820 года такого содержания: «Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и труднейшей также. Дело идет об изыскании средства против *владычества зла*, распространяющегося с быстротою при помощи всех *тайных сил*, которыми владеет *сатанинский дух*, управляющий им. Это средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим божественным словом. Воззовем же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по угодному Ему пути, который один только может привести нас к спасению».

Наконец 24 мая 1821 года Александр, уже целый год отсутствовавший в России, возвратился в Царское Село. Но и тут его ждали невеселые вести. С одной стороны, греческое восстание легко могло против воли вовлечь Александра в войну с Турцией, а с другой, – внутри страны далеко не все могло радовать.

Александру пришлось услышать донесение о тайных политических обществах. Это известие сильно поразило его самолюбие. Считая совершенно недопустимым, чтобы против него были тайные заговоры, он был уязвлен в самое сердце.

«Друг мой Васильчиков! – сказал он печальному вестнику, Васильчикову. – Так как вы находитесь у меня на службе с начала моего царствования, то вы знаете, что и я когда-то разделял и поощрял эти мечтания и заблуждения. – И потом после длинной паузы добавил: – Не мне наказывать».

Кроме этого доклада Бенкендорф представил государю еще отдельно особую записку с подробным изложением дела; после смерти Александра она была найдена в бумагах в кабинете Царскосельского дворца без всякой пометки.

Вместе с тем в личном характере Александра начали замечаться черты, ясные даже поверхностному наблюдателю: усиление подозрительности, бывшей в нем и раньше, мнительность и задумчивость. Например, известен такой случай: однажды генерал-адъютанты Киселев, Орлов и Кутузов, стоя во дворце у окна, рассказывали друг другу анекдоты и хохотали. Вдруг проходит император, они перестают смеяться, но появление его было так неожиданно, что на лицах еще видны были следы усмешки. Через несколько минут государь посылает за Киселевым, который застает его у зеркала. Император смотрится в зеркало то с одной стороны, то с другой и, наконец, подзывая Киселева, спрашивает его, что в его особе могло бы быть смешного. Удивленный, или, лучше сказать, пораженный этим вопросом Киселев отвечает, что он его не понимает. «Скажи мне правду, – продолжает государь, – может быть, сзади моего мундира есть что-нибудь, давшее повод к насмешкам, потому что я видел, как ты с двумя товарищами своими надо мною насмехались». Можно легко себе представить изумление Киселева, который сказал решительно государю, что он до тех пор не выйдет из кабинета, пока император не убедится в несправедливости своего обвинения. «Пошлите, – сказал он, – за Кутузовым и Орловым, пусть они вашему величеству расскажут, о чем мы смеялись». После долгих стараний он, наконец, сумел убедить Александра в своей невинности.

Великая княгиня Александра Федоровна в своих записках тоже останавливается на этой особенности характера императора Александра.

«Я не поняла подозрительного характера императора – недостаток, вообще присущий людям глухим, – пишет она. – Не будучи положительно глухим, император мог, однако, с трудом расслышать человека, сидящего напротив него за столом, и охотнее разговаривал со своим соседом. Ему казались такие вещи, о которых никто и не думал: будто над ним смеются, будто его слушают только для того, чтобы посмеяться над ним, и будто мы делали друг другу знаки, которых он не должен заметить. Наконец, все это доходило до того, что становилось прискорбно видеть подобные слабости в человеке с столь прекрасным сердцем и умом…»

Настроение Александра было в это время мрачно и сосредоточенно, мысли его вращались главным образом около вопросов религии. Уже в 1818 году он сказал в Москве графине Софии Ивановне Соллогуб следующее: «Возносясь духом к Богу, я отрешился от всех земных наслаждений. Призывая к себе на помощь религию, я приобрел то спокойствие, тот мир душевный, который не променяю ни на какие блаженства здешнего мира…»

В записках современников мы находим очень характерные черты, совпадающие с вышеописанным. «Трудно изобразить состояние, в котором находился Петербург в последние годы царствования императора Александра, – пишет один из них. – Он был подернут каким-то нравственным туманом; мрачные взоры Александра, более печальные, чем суровые, отражались на его жителях… Говорили многие: «Чего ему надобно? Он стоит на высоте могущества». «Многие другие обстоятельства и некоторые семейные тяготили его душу». «Последние годы жизни Александровой можно назвать продолжительным затмением».

Как и подобает в периоды всякого «затмения», на арену выступило все, что порождается мраком, все эти совы и нетопыри. С одной стороны, Аракчеев с своими поселениями, с другой, баронесса Крюденер с мистицизмом, аскетизмом и освобождением Греции и, наконец, Фотий со своим фанатизмом.

Фотий был, по всем признакам, несомненно душевнобольным человеком; после жалкого детства и семинарского школенья он в 1817 году на двадцать пятом году жизни был уже иеромонахом. В автобиографии, написанной от имени третьего лица, он пишет: «В летнее время некогда около августа месяца, после часа девятого, сел во власяном хитоне на стул, где было место моления, под образами, хотел встать и молиться Господу по обычаю. Но вдруг – что с

ним сделалось? – увидел себя в непонятном некоем состоянии, не во сне и не наяву: увидел явно четырех бесов, человекообразных, пришедших безобразных в сером виде, невеликих по виду, и они, бегая, все хотят его бить, но опасаются именно власяного хитона на нем и говорят они между собою: «Сей есть враг наш! Схватим его и будем бить», но ни один не смел приступить к нему и бить его. Наконец сии четыре беса согласились с четырех сторон на него напасть, один спереди, другой сзади, третий с правого бока, четвертый с левого. И тако вдруг нечаянно наскочили на него, как волки, быстро, и один его так ощутительно ударил в грудь, что он, вскочив на ноги, от боли и страху испугался и, забыв молитву читать, вскоре на одр свой возлег и окрылся весь одеянием, дабы не видеть никого и ничего, и тако молитву лежа втайне сотворив в мале, весь трепетал от ужаса вражия».

Тогда Фотий пожелал видеть беса в его настоящем виде; бес явился, и «Фотий тогда пришел в ужас велий». Тем не менее он вступил с ним в борьбу, в которой едва не погиб, но был спасен, по собственному признанию, Божественной Силой свыше. Несколько месяцев сатана подсылал к нему духа злого, который внушал Фотию «явить всем силу Божию, а посему некое бы чудо сотворил, или хотя перешед по воде яко по суху против самого дворца через реку Неву». Но и тут Фотий оказался победителем против такого искушения и уклонился от совершения чудесного опыта.

Фотию нужны были слушатели всей этой чепухи, и вот в 1820 году посредством своих проповедей он сблизился с графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской. Фотий называл ее «дщерь-девицею», «рабой Господней смиренной и сосудом благодати Христовой». Эта «дщерь-девица» вскоре предоставила Фотию свои громадные средства и поддержала его своими сильными связями при дворе, куда он и проник при ее помощи. Наконец ему выхлопотали аудиенцию.

Фотий так рассказывает о своем первом свидании с Александром: «Изшед из колесницы, шел по лестницам общим, знаменал как себя, так во все стороны дворец, проходы, помышляя, что тьмы здесь живут и действуют сил вражиих, что ежели оные, видя крестное знамение, отбегут от дворца на сей час прихода, Господь пред лицом царя даст ему благодать и преклонит сердце его послушати, что на сердце его есть царю возвестить». Дальше Фотий пишет: «Отверзаются двери, я оными вхожу в комнату, где был царь, вижу, что тотчас царь грядет принять благословение, я же, не обращая на него внимания, смотрю, где святый образ в комнате на стене есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, поклониться, прежде царя земного, образу Царя Небесного. Не видя противу себя, очами обыскав в двух углах и трех стенах и близ себя почти на заде усмотрев на левой стороне у прага образ в углу, обратился я, трижды знаменаяся, поклонясь, предстал пред царем. Царь, видя меня, хотевшего прежде честь Богу сотворить, отступил в сторону на то малое время и после паки со страхом и благоговением подходит ко мне, приемлет благословение, целует усердно десницу мою, я же тотчас неприметно открыл лик Спаса, дал ему приложиться и ему вручаю оный образ. Царь принял и приветствовал сими словами: «Я давно желал тебя, отец Фотий, видеть и принять твое благословение». На что я сказал царю: «Яко же ты хочешь принять благословение Божие от меня, служителя святого алтаря, то, благословляя тебя, глаголю: мир тебе, царю, спасися, радуйся, Господь с тобою буди!» Царь по сих словах, взяв меня за руку и указав место, посадил меня на стул, сам сел противу меня, лицом в лице прямо зря мне, воссел же весьма близ меня, яко же бы можно все, тихо глаголя, слышать; я же, желая сесть на место, знамением креста знаменал себя, десницей моей место, воссел и царя перекрестил. Начал царь вопрошать меня о месте моей службы в корпусе, когда я был законоучителем, и в монастыре. Я же, простирая слово в сладость, говорил о святой церкви, вере и спасении души, зря в лицо царю прямо, часто я себя знаменал, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестил, возводя очи свои на небо, ум и сердце вознося к Богу. И колико слово все в сладость принимал царь, аз же сердцем чувствовал, толико я крестился, а царь, простирая руку, благословение от меня принимать желая, просил, дабы я его

перекрестил. Я же о силе креста и знамения старался внушить. Вижу, что царь весь сердцем применился к услышанию слова от уст моих, я в помыслах моих движение чувствовал сказать царю слово в пользу церкви и веры».

Потом зашла речь о нечисти, соблазнах, о потоке нечестия. В заключение Фотий сказал: «Противу тайных врагов и нечаянно действуя, вдруг надобно открыто запретить и поступать. Все нужное к делу веры святой внушил царю в сердце его. Когда я, глаголя слово о сем, крестился, царь также сам крестился, и, приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силой святого креста, многократно он целовал руку, благословляющую его, благодаря за беседу. Востав же, когда я готовился идти от царя, приметил, что царю уже время беседу со мною кончить. Царь пал на колени перед Богом и, обратясь лицом ко мне, сказал: «Возложи руце твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню о мне, прости и разреши мя». Аз же, видя плод беседы моей с царем, таковое благоговение царя к Богу втайне, смирение его пред Вышним и Святым Царем царствующих и Господом господствующих, возложил руце мои на главу цареву крестообразно, возводя ум и сердце горе к Богу, просил, да снидет благодать Христова на него, да простит все согрешения царю и исполнит ум и сердце его сотворить волю Господню во славе, деле святой церкви и веры, и сокрушить силы вражии вскоре… И посем, знаменав главу цареву и лице, руки мои отнял, царь же поклонился мне в ноги, стоя на коленях; востал от земли, принял благословение, целовал десницу мою, весьма благодаря, просил в молитве поминать не забывать, благословение посылать, и проводил меня сам из дверей».

С этого времени Фотий сразу поднимается на целую ступень: от царя он получил алмазный крест, от императрицы Марии Федоровны – золотые часы, и в то же время назначен настоятелем новгородского Юрьева монастыря. Под его влиянием появился рескрипт на имя управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея, которым было повелено закрыть все тайные общества, в том числе и масонские ложи, и не позволять открытия их вновь; и всех членов сих обществ обязать, чтобы они впредь никаких масонских и других тайных обществ не составляли, и, потребовав от воинских и гражданских чинов объявления, не принадлежат ли они к таким обществам, взять с них подписки, что они впредь принадлежать уже к ним не будут; если же кто такового обязательства дать не пожелает, тот не должен остаться на службе.

По этому случаю «Фотий толико подвизался, – пишет он о себе, – радовался вельми, не о награде крестом себя, но о том, что сии все вредные заведения, под разными предлогами в империи, опасные для церкви и государства, по их запрещении вскоре ослабеют в своих действиях и замыслах и путь их с шумом погибнет, яко нечестивых».

Итак, изувер, фанатик, несомненно душевнобольной человек, Фотий имел влияние на издание государственных актов не последнего значения; но уже одно существование Аракчеева с его влиянием должно бы, казалось, объяснить появление и Фотиев, и подобных им.

В промежутке между возвращением из последнего путешествия и отправлением в новое в 1823 году произошло событие не менее таинственного характера, чем все, случавшееся в последние годы царствования Александра, – это указ о престолонаследии и отречение от престола цесаревича Константина Павловича. Появление его было обставлено такой строгой тайной, что один из посвященных, московский архиепископ Филарет, должен был по особо выраженному желанию государя прибегнуть к исключительным приемам для сокрытия тайны.

29 августа 1823 года в полдень он отправился в Успенский собор; там находились только протопресвитер, сакел-ларий и прокурор синодальной конторы с печатью. Архиепископ вошел в алтарь, открыл ковчег Государственных актов, показал присутствующим печать, но не подпись принесенного конверта, положил его в ковчег, запер, запечатал и объявил всем трем свидетелям, к строгому исполнению, высочайшую волю, чтобы о совершившемся никому не было открываемо.

Из Москвы начались опять странствия по России: дорога лежала на Тулу, в Орел; затем через Брянск в Бобруйск; оттуда в Брест-Литовск. Всюду были смотры, и на одном из них

Александр получил очень сильный удар копытом лошади по ноге, так что пришлось разрезать сапог, чтобы снять его для осмотра ноги. Это случилось так: 19 сентября на смотру во время проезда Александра по фронту польской кавалерии один полковник, по требованию государя, подъехал к нему для получения приказания; когда же он поворотил свою лошадь, она лягнула и подковой задней ноги ударила императора в правое берцо. Нога потом болела довольно долго.

Но этим дело не ограничилось, и в начале 1824 года Александр опять заболел. 12 января 1824 года, прогуливаясь в саду, государь почувствовал сильные приступы лихорадки, с жестокой головной болью; вскоре затем последовала тошнота со рвотою. В тот же день император переехал из Царского в Петербург и вечером прибыл в Зимний дворец в возке. Виллие немедленно был призван к больному, который провел ночь очень беспокойно. На другой день совместное исследование Виллие и доктора Тарасова привело к заключению, что государь заболел горячкой с сильным рожистым воспалением на правой ноге. Тарасов пишет в своих записках: «Жестокость припадков горячки продолжалась до седьмого дня болезни; 19 января в ночи у императора сделалась испарина по всему телу, и он заснул совершенно покойным сном, так что, когда я поутру рано вошел к нему, он сказал: «Вот сегодня и я спал и чувствую, что голове моей легче и она яснее; посмотри мой пульс, есть ли в нем перемена?»

«Исследовавши внимательно пульс и все положение больного в подробности, я, к величайшему удовольствию, нашел императора несколько в лучшем положении и в этом смысле отвечал на вопрос его. «А посмотри теперь мою ногу, – сказал государь, – я в ней чувствую тягость, но боли меньше». При осмотре ноги я заметил, что рожистое воспаление стало ограничиваться от краев и сосредоточиваться на средине берца, а из пустул некоторые начали темнеть и отделять жидкую материю – явление неблагоприятное. О положении ноги я доложил государю верно, но о неблагоприятном состоянии умолчал.

Когда я объяснил все это баронету Виллие, он крайне встревожился и сказал: «Боже сохрани, если это перейдет в антонов!»

Опасение его было справедливо, ибо рожа сосредоточилась на средине берца, в том самом месте, где нога в последний раз была ушиблена копытом лошади на маневрах в Брест-Литовском.

«В продолжение последующих дней от 20 января общее положение императора становилось лучше; но в ноге не было перемены к лучшему, кроме того, что рожистое воспаление мало-помалу уменьшилось в окружности; на средине же берца желтый цвет оставался без всякой перемены, и из пустул сочилась жидкая сукровица. К этому месту, кроме ароматных трав, ничего не прикладывалось.

26 января, поутру в восьмом часу, вместе со мной у императора был и баронет Виллие, который желал удостовериться особенно о положении ноги. Общее положение больного было удовлетворительно, даже показался аппетит; особенно государь с удовольствием кушал уху из ершей. При снимании с ноги штиблета из ароматных трав я заметил, что он от засохшей материи присох к ноге. Нужно было употребить осторожное усилие и сноровку, чтобы отделить его без боли для больного.

Вдруг, к общему нашему удивлению, я усмотрел, что присохшее место покровов отделяется вместе со штиблетом, величиною в два дюйма длины и в полтора дюйма ширины. Отделение это произошло без значительной боли. По отделении этого обширного гангренозного струпа, состоящего из омертвелых общих покровов и клетчатки, представилась нам обширная язва, коей дно было покрыто доброкачественным гноем. По осторожном и крайне аккуратном снятии гноя оказалось, что язва простиралась до самой надкостной плевы, которая, благодарение Богу, была невредима, покрывая большую берцовую кость. Удостоверясь в сем, баронет Виллие, бывший до сего в лихорадочном положении от страха за ногу императора, перекрестился самым христианским образом и сказал: «Ну слава Богу!» Император, заметив это, спросил его о причине такого восхищения. «Я очень рад, государь, что ваше здоровье поправля-

ется», – отвечал Виллие, скрыв от его величества настоящую причину своего восторга. Виллие трепетал за надкостную плеву, потому что с отделением ее неминуемо должно бы последовать омертвение или костоеда большой берцовой кости, а исход такого поражения кости мог быть самый неблагоприятный или, по крайней мере, продолжительный».

С этого дня общее состояние здоровья государя стало удовлетворительнее. Несомненно, однако, что такая тяжелая болезнь должна была подорвать еще более и без того расшатанное здоровье Александра.

Весною он переехал в Царское Село, и Тарасов следующим образом описывает порядок царского дня: «Государь в седьмом часу утра кушал чай, всегда зеленый, с густыми сливками и с поджаренными гренками из белого хлеба; потом, сделав свой начальный туалет, требовал меня для осмотра и перевязки ноги; после того, одевшись окончательно, выходил в сад через собственный выход в свою аллею, из коей постоянно направлялся к плотине большого озера, где обыкновенно ожидали его главный садовник Лямин и все птичье общество (лебеди, гуси и утки), обитавшее на птичьем дворе, близ этой плотины. К приходу его величества птичники обыкновенно приготовляли в корзинах разный корм для птиц. Почуяв издали приближение государя, все птицы приветствовали его на разных своих голосах. Подойдя к корзинам, его величество надевал особенно приготовленную для него перчатку и начинал им сам раздавать корм. После сего давал садовнику Лямину разные свои повеления, относящиеся до сада и парка, и отправлялся на дальнейшую прогулку. В 10 часов возвращался с прогулки и иногда кушал фрукты, особенно землянику, которую он предпочитал всем прочим фруктам. К этому времени г-н Лямин обыкновенно приносил большие корзины с различными фруктами из обширных царскосельских оранжерей. Фрукты эти, по собственному его величества назначению, рассылались разным придворным особам и семействам генерал-адъютантов, кои занимали домики китайской деревни.

После того государь, переодевшись, принимал разных министров, по назначению приезжавших с докладами из Петербурга, и начальника Главного своего штаба. Окончив свои занятия, в третьем часу отправлялся в Павловское к вдовствующей императрице, августейшей своей матери, целовать ее руку, и, возвращаясь оттуда, в четыре часа обедал. После обеда государь прогуливался или в экипаже, или верхом. В девятом часу вечера кушал чай, после коего занимался работой в своем маленьком кабинете; в одиннадцать часов кушал, – иногда простоквашу, иногда чернослив, приготовляемый для него без наружной кожицы. Часто случалось, что его величество, откушавши сам, приказывал камердинеру своему простоквашу или чернослив отсылать на ужин мне. Перед тем как государю ложиться в постель, я обязан был войти, по требованию его, в опочивальню осмотреть и перевязать его ногу. После чего его величество, перекрестясь, ложился в постель и тотчас засыпал, всегда на левом боку. Государь засыпал всегда тотчас и самым крепким сном, так что шум и крик дежурного камердинера и лакеев, прибиравших обыкновенно в почивальне его платье, белье и разные вещи, нимало не препятствовали сну его, что для меня в первый раз казалось чрезвычайно необыкновенным и неучтивым со стороны его прислуги. Но его камердинер Завитаев тогда же уверил меня, что как только государь ляжет в постель и он его укроет одеялом, то хоть стреляй из пушки – государь не услышит».

Тот же Тарасов так характеризует Александра: «Император был очень религиозен и чрезвычайный христианин. Вечерние и утренние свои молитвы совершал на коленях и продолжительно, от чего у него на верху берца у обеих ног образовалось очень обширное омозолестение общих покровов, которое у него оставалось до его кончины».

Далее он же говорит: «Император в резиденциях и в путешествии всегда почивал на походной кровати – на матраце, набитом соломой, с ложбиною в середине, а в головах всегда была сафьянная подушка, набитая сеном. В ноги всегда клался сафьянный валик, а под правую

руку другой валик, поменьше, – и всегда спал на одном левом боку, не изменяя этого положения во всю ночь».

Не успела кончиться эта болезнь Александра, как на него уже накинулась стая, давно поджидавшая случая пустить в ход свои замыслы. Это были Аракчеев, Фотий, митрополит Серафим, Магницкий и другие, старавшиеся о сокрушении министерства духовных дел и народного просвещения, состоявшего с 1816 года под ведением князя А.Н.Голицына. Фотий выступил в поход после бывшего ему в начале 1824 года видения. Он видел себя в царских палатах, стоящим перед царем, который просил его, дабы он благословил и исцелил его. «Тогда Фотий, обняв его за выю, на ухо тихо поведал ему, како, где, от кого и колико вера Христова и церковь православная обидима есть: царь же приял все реченное, дал манием Фотию ведать, что, сколько возможно и успеет, всячески постарается исправить все нужное для церкви, свой стыд тем прикрыть и болезнь исцелить, в тайне содеянную без умысла злого, по неведению и соблазну других».

20 апреля 1824 года Фотий был принят императором, но был проведен тайным образом с секретного входа, «дабы сие не было всем гласно». Фотий старался запугать государя, раскрывая перед ним картины политических заговоров и государственного переворота. Ему удалось это. По крайней мере император был уверен, что Сам Бог послал ему спасение от страшной опасности. «Господь, сколь Ты милосерд ко мне, – сказал он, молясь. – Ты мне как прямо с небес послал ангела своего святого *(это Фотия-то!)* возвестить всякую правду и истину! Буди милость Твоя ко мне! Я же готов исправить все дела и Твою святую волю творить». Обратясь затем к Фотию, государь сказал: «Отец Фотий! Не возгордися, что я сие сказал тебе, я так о тебе чувствую».

Напуганный зловещими предсказаниями Фотия, государь сказал ему, чтобы он «написал для совершения намерения в дело план о всем».

По словам Фотия, государь, «благодаря его за ревность к истине и видя, что сам он, вовлечен будучи, много к тому содействовал своею царской силой, просил помощи от Господа в делах и сказал: «О, Фотий! Сотвори о мне здесь ко Господу молитву, да осенит меня сила Вышнего на всякое дело благое». С этим словом царь великий перед священноначальником отцом Фотием пал на колени, сложа руки к сердцу, велел на главу свою ему положить руки и прочитать молитву. Фотий, видя в сем не только всесовершенное содействие свыше ему, яко в слове и деле истины за веру и благочестие, но и совершенное благопокорение царя на всякое дело благое, возложил руки свои крестообразно на главу цареву помазанную, тихо возведя ум и сердце к Богу, читал, глаголя сии слова: «Царю Небесному! Утешителю…» И знаменая главу цареву десницей, отступил от царя; царь же, смиреннейший царь, яко кроткий Давид, царь мудрый, царь по сердцу Божию, достойный сосуд благодати Святого Духа, поклонился по молитве в ноги, яко кающийся человек к Богу, не человеку, но Богу в лице человека поклонився, востал. Фотий же видел благодать Святого Духа, яко росу, на руно окрест сходящую, яко фимиам кадильный над царем, окрест его величества; в лице его был зрак света лица Божия. Посем, царя Фотий благословив, исходил из палаты царевы… Тайной лестницей сошел он вниз и, изшед из двора царского прежним путем, скоро идя, сев в карету, прибыл к дщери своей девице Анне».

В это время Фотий уже жил в Петербурге под кровом «дщерь-девицы» Анны.

29 апреля он послал государю третье послание о том, как пособить, дабы остановить революцию. К этому посланию был приложен «план разорения России и способ оный план вдруг уничтожить тихо и счастливо».

Фотий говорит, что он молился Господу Богу и что ему было открыто, что нужно делать немедленно. В числе мероприятий, указанных Фотию свыше, главнейшие заключались в уничтожении Министерства духовных дел и Библейского общества; Синоду же быть по-прежнему

и «духовенству надзирать при случаях за просвещением, не бывает ли где чего противного власти и вере».

После четвертого послания, которое тоже было тайно передано Александру, Фотий неожиданно предал анафеме министра князя Голицына, случайно заспорив с ним в доме графини Орловой. Дело кончилось отставкой Голицына и назначением на его место адмирала Шишкова. Около этого же времени Александр был потрясен известием о смерти дочери Марии Антоновны Нарышкиной, Софии, к которой он относился особенно участливо.

В конце того же года было совершено опять огромное путешествие по восточным областям европейской России. Но тотчас по возвращении ему пришлось пережить еще одно тяжелое испытание во время наводнения 7 ноября 1824 года. Александр принял это за наказание за свои грехи.

Наконец, у него явилось очень близко затрагивавшее его огорчение – это болезнь императрицы Елизаветы Алексеевны. Мрачное настроение не покидало Александра, он стал еще более угрюм и необщителен, и в то же время ему было сообщено уже о существовании тайного общества, и это не могло не оказывать своего действия на его душевное состояние. Тем не менее, а, может быть, именно поэтому, 4 апреля 1825 года Александр отправился по весенней распутице в Варшаву, где 1 мая (13 по н.с.) состоялось открытие Третьего польского сейма.

По возвращении 13 июня в Царское Село Александр не мог выдержать долго и вновь отправился в путь, на этот раз – к Аракчееву в Грузино, оттуда проехал в Юрьевский монастырь к Фотию для беседы.

Ввиду ухудшения здоровья императрицы Елизаветы Алексеевны приходилось уже думать о новом переезде на юг. Был выбран местом пребывания Таганрог.

Отъезд на юг и Таганрог

После прощания с Павловском, где Александр был особенно грустно настроен, он 1 сентября 1825 года выехал из Петербурга, чтобы уже в него не возвратиться.

Отъезд совершился при совершенно исключительных обстоятельствах: Александр отправился один, без свиты, из Каменноостровского дворца. В четыре с четвертью пополуночи коляска, запряженная тройкой, остановилась у монастырских ворот Невской лавры. Александр в фуражке, шинели и сюртуке без шпаги поспешно вышел из коляски, приложился к кресту, был окроплен святой водой, благословлен митрополитом Серафимом и, приказав запереть за собою ворота, направился в соборную церковь. Войдя в собор, Александр остановился перед ракою Александра Невского, и началось молебствие.

Длинный ряд монахов, встретивших императора у входа в лавру, господствовавшая вокруг темнота и ярко освещенная рака, видневшаяся вдали в растворенные соборные двери, поразили его своим особенным настроением: Александр плакал во время молебна. Дальше Александр был еще более потрясен при посещении кельи схимника этой лавры, у которого вместо постели в келье стоял гроб.

Этот ряд мрачных впечатлений настолько повлиял на Александра, что он, отъезжая за заставу, привстал в коляске и долго, обернувшись назад, смотрел на город, как бы прощаясь с ним.

На этот раз по дороге не было никаких смотров, парадов и маневров. 13 сентября Александр прибыл в Таганрог. Виллие пишет в дневнике: «Здесь кончается первая часть путешествия».

Дом, в котором поселился Александр, был каменный, одноэтажный, с подвальным этажом для помещения прислуги. Половина императрицы состояла из восьми небольших комнат, из коих две предназначались для двух фрейлин. В середине дома был расположен большой сквозной зал, служивший столовой и приемной. На половине императрицы, в особой комнате, помещалась походная церковь. С другой стороны приемной залы находились две комнаты государя: одна, довольно просторная, предназначавшаяся для кабинета, служила вместе с тем и спальней; другая, полукруглая и очень небольшая, в которой государь одевался, была туалетной или уборной, с окном, выходившим во двор. При этих двух комнатах был коридор, свет в который проходил из туалетной; он предназначался для дежурного камердинера, гардеробная же находилась в подвальном этаже.

При доме были обширный двор и небольшой сад с плодовыми деревьями, несколько запущенный, но к приезду государя приведенный в возможный порядок. Меблировка всего дома была самая простая. Александр так писал Аракчееву о своем пребывании в Таганроге: «Благодаря Бога, я достиг до моего назначения, любезный Алексей Андреевич, весьма благополучно и, могу сказать, даже весьма приятно, ибо погода и дорога были весьма хороши. В Чугуеве я налюбовался успехом в построениях. О фронтовой части не могу ничего сказать, ибо кроме развода и пешего смотра поселенных и пеших эскадронов и кантонистов я ничего не видел… Здесь мое помещение мне довольно нравится. Воздух прекрасный, вид на море, жилье довольно хорошее; впрочем, надеюсь, что сам увидишь».

В ответ на свое радостное и довольное письмо Александр получил от Аракчеева очень тревожное известие личного характера, именно об убийстве его домоправительницы Настасьи Минкиной. Аракчеев потерял голову и очень встревожил Александра. Он видел в этом деле гораздо больше, чем простое убийство. В письме к Аракчееву по этому поводу он так пишет, между прочим: «Объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойтить всеми мерами, не было ли каких тайных направлений или подущений».

Затеялась длинная переписка, а тем временем Александр уже предпринял новое путешествие по югу России; на первый раз оно продолжалось недолго – с 11 до 15 октября; собрался было отправиться в Уральск и в Астрахань, но отложил намерение.

Но 20 октября, по приглашению новороссийского генерал-губернатора графа М.С.Воронцова, Александр решил отправиться в Крым; маршрут был рассчитан на семнадцать дней. Накануне отъезда произошел следующий любопытный случай: государь занимался за письменным столом, как вдруг над городом пронеслась туча и наступила такая темнота, что Александр позвонил и приказал камердинеру Анисимову подать свечи. Вскоре затем прояснилось, и показалось солнце. Тогда Анисимов снова вошел и хотел вынести свечи. На вопрос государя «зачем» он отвечал, что «на Руси считается худой приметой – сидеть при свечах днем: могут подумать, что лежит покойник». Государь отвечал: «Ты прав, и я так думаю – унеси свечи». Этот случай врезался в память императора, и вскоре Александр припомнил его.

Во время путешествия по Крыму Александр был очень неосторожен, много ездил верхом по дурным дорогам, в Балаклаве ел какую-то жирную рыбу, наконец, поехал в Георгиевский монастырь верхом в одном мундире. Хотя днем было тепло, к вечеру подул северо-восточный ветер и погода резко изменилась. Очевидно, что здесь именно Александр простудился и получил тяжкую болезнь, сведшую его в могилу. Это было 27 октября 1825 года. Александр вернулся только в восемь часов вечера, отказался от обеда, ожидавшего его с четырех часов, чем очень удивил всех, а ограничился одним чаем.

28 числа Александр осматривал в Севастополе укрепления, флот, морской госпиталь и казармы; после этого был у него большой обед, и в нем самом никто не заметил никакой перемены.

29 октября Александр осматривал укрепления северной стороны, а оттуда отправился в Бахчисарай. Здесь уже государь приказал Тарасову приготовить из рису «то самое питье, какое он пил во время рожи на юге». Тарасов исполнил это и сообщил об этом Виллие, добавив, что у государя расстроился желудок. «Впрочем, – говорит Тарасов в своих записках, – он ни мне, ни Виллие не жаловался на какое-либо расстройство в своем здоровье, но кушал в этот день один перловый свой суп и котлету».

Однако объезд продолжался, государь проехался еще верхом в Чуфут-Кале, посетил на обратном пути Успенский монастырь; он казался здоровым и был весел. 1 ноября он выехал в Евпаторию и посетил там церкви, мечети, синагоги, казармы и карантины. 2 ноября ночевал в Перекопе, где осматривал госпиталь.

На следующий день в селении Знаменском была осмотрена артиллерийская бригада, был посещен лазарет, здесь император пробовал пищу, остался доволен ею и особенно много съел овсяного супа. Повар получил в награду двадцать пять рублей ассигнациями. В этот же день на пути Александр был поражен случаем с фельдъегерем Масковым, привезшим ему депеши: ямщик, везший фельдъегеря, помчался обратно с ним так неосторожно, что на повороте, недалеко отъехав от императора, наскочил на кочку, а Масков от толчка был выброшен из экипажа и, ударившись головой о землю, тут же скончался. Тарасов вспоминает в своих записках, что когда он доложил Александру о причине смерти Маскова, то император встал с места и в слезах сказал: «Какое несчастие! Очень жаль этого человека». Потом, оборотясь к столу, позвонил в колокольчик, а я вышел. При этом я не мог не заметить в государе необыкновенного выражения в чертах его лица, хорошо изученного мною в продолжение многих лет, оно представляло что-то тревожное и вместе болезненное, выражающее чувство лихорадочного озноба».

По дороге, в Орехове, Александру пришлось разбирать самому дело о ссоре между екатеринославским гражданским губернатором и архиепископом Феофаном, кончившейся дракой. Когда в Мариуполе 4 ноября Александр потребовал к себе вечером Виллие, то последний нашел его в полном развитии лихорадочного сильного пароксизма.

Тарасов пишет, что «Виллие был крайне встревожен положением государя, он казался потерявшим свое практическое присутствие духа и, наконец, решился дать государю стакан крепкого пунша с ромом, уложил его в постель и покрыл сколько можно теплее. Это усилило только беспокойство императора, и он немного заснул только к утру. Виллие предлагал остаться в Мариуполе, но государь не согласился на это, ибо от Мариуполя до Таганрога только девяносто верст, и его величество спешил для свидания с императрицей, ожидавшей его прибытия в назначенное время, т. е. 5 ноября. Так было назначено по маршруту. 5 ноября, после сильного пароксизма, поутру, государь чувствовал утомление и слабость. Часу в десятом утра в закрытой коляске с медвежьей полостью, в теплой шинели, отправился из Мариуполя».

В Таганрог вернулись в 6 часов вечера. На вопрос Волконского о здоровье Александр отвечал: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли. Я более чем когда-либо уверен, что, избрав Таганрог местопребыванием для моей жены, мы поступили в высшей степени благоразумно». В разговоре с Волконским Александр упоминал о Перекопском госпитале, и тот указал ему, не без основания, что он напрасно был долго в госпитале, где было скопление больных подобной же болезнью, но Александр не согласился с ним. Но зато он в тот же вечер припомнил по поводу своего нездоровья в разговоре с камердинером Анисимовым о тех свечах, которые были зажжены днем перед его отъездом. «Эти свечи у меня из головы не выходят», – сказал он Анисимову.

Несмотря на очевидное недомогание, Александр серьезно обратился к Виллие только 3 ноября. Последний ведет так описание хода болезни в своем дневнике:

«5 ноября. Приезд в Таганрог. Ночь северная. Отказ от лекарств. Он приводит меня в отчаяние. Страшусь, как бы такое упорство не имело бы когда-нибудь дурных последствий.

6 ноября. Император обедал у ее величества императрицы и вышел из-за стола. Федоров позвал меня из-за стола, чтобы объявить мне, что его величество имел испарину и непроизвольно, таково отвращение от медицины. После борьбы он согласился, между 5 и 6 часами, принять дозу пилюль.

7 ноября. Эта лихорадка имеет сходство с эпидемической крымской болезнью. «Les exacerbations» (обострения болезни) слишком часто повторяются, чтобы я позволил себе утверждать, что это hemitritaeus semitertiana, хотя эта чрезвычайная слабость, эта апатия, эти обмороки имеют большое отношение с нею.

8 ноября. Эта лихорадка, очевидно, febris gastriae biliosa; эта гнилая отрыжка, это воспаление в стороне печени, рвота… требует, чтобы premieres voies (?) были хорошо очищены. Надо traire (?) печень. Я сказал Стоффрегену.

9 ноября. Императору немного легче сегодня, но он с полной верой в Бога ждет совершенного выздоровления от недугов. Состояние viscere chylopoiesis может в настоящий момент служить указанием на понос, так некстати остановленный в Бахчисарае.

10 ноября. Начиная с 8-го числа я замечаю, что что-то такое занимает его более, чем его выздоровление, и волнует его душу post hoc ergo propter hoc. Ему сегодня хуже, и Мюллер, по его словам, тому причина. Князю Волконскому, вследствие сего, препоручено побранить бедного Мюллера.

11 ноября. Болезнь продолжается; внутренности еще довольно нечисты. Когда я ему говорю о кровопускании и слабительном, он приходит в бешенство и не удостаивает говорить со мною. Сегодня мы, Стоффреген и я, говорили об этом и советовались.

12 ноября. Как я припоминаю, сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра, если мы сможем посредством хитрости убедить его употребить их. Это жестоко. Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я – несчастный.

13 ноября. Все пойдет скверно, потому что он не дозволяет делать то, что безусловно необходимо. Такое направление – очень плохое предзнаменование. Его пульс очень неправиль-

ный, слаб, и будет выпот без ртутных средств, кровопускание, мушки, горчицы, мочегонное и очистительное.

14 ноября. Все очень нехорошо, хотя у него нет бреда. Я намерен был дать acide muriatique с питьем, но получил отказ по обыкновению: «Уходите». Я заплакал, и, видя это, он мне сказал: «Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это? У меня свои причины».

15 ноября. Сегодня и вчера, что за печальная моя миссия – объявить ему о близком разрушении в присутствии ее величества императрицы, которая отправилась предложить ему верное средство. Причащение Федотовым. Его слово после того.

16 ноября. Все мне кажется слишком поздно. Только вследствие упадка сил физических и душевных и уменьшения чувствительности удалось дать ему некоторые лекарства после Святого Причастия и напутствия Федотова.

17 ноября. От худого к худшему. Смотрите историю болезни. Князь (Волконский) в первый раз завладел моей постелью, чтобы быть ближе к императору. Барон Дибич находится внизу.

18 ноября. Ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя. Я предупредил императрицу и Волконского и Дибича, которые находились: первый у него, а последний внизу у камердинеров.

19 ноября. Ее величество императрица, которая провела много часов, вместе со мной, одна у кровати императора все эти дни, оставалась до тех пор, пока наступила кончина в 11 часов без 10 минут сегодняшнего утра. Князь (Волконский), барон (Дибич), доктора, дежурные.

20 ноября. Как скоро его величество скончался, даже до того, некоторые лица удостоверились в вещах, и в короткое время бумаги были запечатаны; обменивались замечаниями зависти, горечи об отсутствующем.

22 ноября. Вскрытие и бальзамирование, которые подтверждают все то, что я предсказывал. О, если бы я имел его согласие, если бы он был сговорчив и послушен, эта операция не происходила бы здесь.

Виллие».

Очень любопытные подробности дает об этом времени в своих записках Тарасов. Он описывает, например, случай, когда с императором случился обморок во время бритья, причем он даже порезался бритвой и упал на пол. Тарасов утверждает, что Виллие совершенно растерялся, а Стоффреген начал растирать Александру голову и виски одеколоном. На эту тревогу пришла императрица, и императора уложили на кровать в белом шлафроке. С этого момента болезнь императора приняла окончательно опасное направление. Он более не мог уже вставать с постели. Из уборной его перенесли на большой диван в кабинет.

В 9 часов вечера Александр потребовал к себе Тарасова. «Надобно заметить, – пишет Тарасов, – что я во время болезни императора во дворце до того не бывал, а о положении его величества все подробности знал частью от баронета Виллие, не желавшего, как казалось, допустить меня в почивальню императора, а частью от лейб-медика Стоффрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшего не совсем здоровым. По докладу императору я тотчас был позван в кабинет. Его величество был в большом жару и беспокоен. Увидав меня, сказал: «Вот, любезный Тарасов, как я разболелся, останься при мне. Якову Васильевичу одному трудно, он устает, и ему по временам нужно успокоиться; посмотри мой пульс». При самом моем входе, взглянув на государя, я был поражен его положением, и какое-то бессознательное предчувствие произвело решительный приговор в душе моей, что император не выздоровеет и мы должны его лишиться.

В двенадцатом часу вечера, – пишет он далее, – императрица вошла к императору весьма смущенной, усиливаясь в виду государя казаться спокойною. Сев подле больного, на том же диване, она начала разговор убеждением, чтоб государь аккуратно принимал назначенные ему докторами лекарства. Далее она сказала по-французски больному:

– Я намерена предложить вам свое лекарство, которое всем приносит пользу.

– Хорошо, говорите, – сказал государь.

Императрица продолжала: «Я более всех знаю, что вы великий христианин и строгий наблюдатель всех правил нашей православной церкви; советую вам прибегнуть к врачеванию духовному: оно всем приносит пользу и дает благоприятный оборот в тяжких наших недугах».

– Кто вам сказал, что я в таком положении, что уже необходимо для меня это лекарство?

– Ваш лейб-медик Виллие, – отвечала императрица.

Тотчас Виллие был позван. Император повелительно спросил его: «Вы думаете, что болезнь моя уже так зашла далеко?» Виллие, до крайности смущенный таким вопросом, решился положительно объявить императору, что не может скрывать того, что он находится в опасном положении. Государь с совершенно спокойным духом сказал императрице: «Благодарю вас, друг мой, прикажите – я готов».

Решено было призвать соборного протоиерея Алексея Федотова, но император, по выходе императрицы, вскоре забылся и заснул, что однако ж не было настоящим сном, но сонливостью. В таком положении государь оставался до пяти часов утра.

Я всю ночь просидел подле больного и, наблюдая за положением его, заметил, что император, просыпаясь по временам, читал молитвы и псалмы, не открывая глаз.

В пять с половиной часов утра 15 ноября император, открыв глаза и увидев меня, спросил: «Здесь ли священник?» Я тотчас сказал об этом барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Виллие, проводившим всю ночь в приемном зале подле кабинета. Князь Волконский доложил о сем императрице, которая поспешила прибыть к государю. Все вошли в кабинет и стали при входе у дверей.

Немедленно введен был протоиерей Федотов. Император, приподнявшись на левый локоть, приветствовал пастыря и просил его благословить; получив благословение, поцеловал руку священника. Потом твердым голосом сказал: «Я хочу исповедаться и приобщиться Святых Тайн; прошу исповедать меня не как императора, но как простого мирянина; извольте начинать, я готов приступить к святому таинству».

После причастия Александр, по словам Тарасова, обратясь к врачам, сказал: «Теперь, господа, ваше дело; употребите ваши средства, какие вы находите для меня нужными».

17 числа, по замечанию Тарасова, болезнь достигла высшей степени своего развития.

18-го Тарасов пишет: «Ночь всю провел государь в забытьи и беспамятстве, только по временам открывал глаза, когда императрица, сидя возле него, говорила с ним, и по временам, обращаясь взором на святое распятие, крестился и читал молитвы. Несмотря на забывчивость и беспамятство от усиливающегося угнетения мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовал ее присутствие, брал ее руку и держал над своим сердцем. К вечеру государь начал очевидно слабеть. Когда я ему давал пить с ложки, то заметил, что он начинал глотать медленно и не свободно. Я не замедлил объявить об этом. Князь Волконский тотчас доложил об этом императрице, которая в 10 часов вечера пришла в кабинет и села подле умирающего на стул, постоянно своей левой рукой держа его правую руку.

По временам она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоял у ног государя. Питье он проглатывал с большим трудом; в четвертом часу за полночь дыхание заметно стало медленнее, но спокойно и без страданий.

Все свитские и придворные стояли в опочивальне во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

Наступило 19 ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь перед дворцом вся была покрыта народом, который из церквей, после моления об исцелении государя, приходил толпами ко дворцу, чтобы получить весть о положении императора.

Государь постепенно слабел, часто открывал глаза и устремлял их на императрицу и святое распятие.

Последние взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упование, что все мы, присутствовавшие, при безутешном рыдании, проникнуты были невыразимым благоговением. В выражении лица его не заметно было ничего земного, а райское наслаждение и ни единой черты страдания. Дыхание становилось все реже и тише».

Кроме Виллие и Тарасова, в это же время вел свой журнал и князь Волконский, который начинает его 5 ноября:

«5 *ноября.* Государь император изволил возвратиться из Крыма в 6 часов вечера. Вошедши в уборную, на вопрос мой о здоровье его изволил отвечать, по-французски: «Я чувствую небольшую лихорадку, которую я получил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли. Я думаю, что мы сделали как нельзя лучше, выбрав Таганрог местом пребывания для моей жены».

На мой вопрос его величеству, с какого времени он уже почувствовал лихорадку, император ответил мне, что «это уже с Бахчисарая, куда мы прибыли вечером, я хотел очень пить, и когда попросил пить, то мой камердинер Федоров дал мне барбарисного сиропа. А так как во время путешествия по Крыму стояла очень жаркая погода, я подумал, что сироп мог испортиться; но мой камердинер сказал мне, что сироп не пострадал. Я осушил целый стакан и лег спать. В продолжение всей ночи я испытывал ужасные боли, и только благодаря своему сложению и прекрасному желудку я благополучно отделался, и все прошло. Прибыв в Перекоп, я посетил госпиталь, где я почувствовал повторный приступ лихорадки». Я взял на себя смелость указать его величеству его неблагоразумие при посещении госпиталя, где он рисковал только усилить свою лихорадку, благодаря тому, что там много людей, пораженных этой болезнью, и что император всегда забывает, что, вступая в пятидесятилетний возраст, он не имеет тех сил, что у него были в двадцать лет. Он мне ответил: «Ах, друг мой, я это слишком хорошо чувствую и уверяю вас, что я напоминаю об этом себе постоянно, но я надеюсь, что это не будет иметь последствий».

Спросивши меня потом о новостях по поводу здоровья императрицы, он отправился искать ее, и их величества провели остаток вечера вместе.

6 ноября. Поутру в 8 часов позван я был, по обыкновению, к его императорскому величеству во время умывания; спросив о его здоровье, его величество изволил отозваться, что ночь провел изрядно и лихорадки не чувствовал. Взгляд у государя был слабый, и глаза мне показались мутны. Сверх того, глухота была приметнее и до того, что, когда я докладывал по некоторым бумагам, его величество изволил сказать мне, чтоб остановился чтением до совершенного окончания его туалета. Одевшись, его величество вошел в кабинет, стал у камина греться, приказав мне продолжать доклад, по окончании коего, отпустив меня, занялся чтением бумаг. Изволил кушать с императрицей. В третьем часу в исходе, во время нашего обеда, камердинер его величества, Федоров, прислал записку к лейб-медику Виллие, в которой пишет, что государь в весьма большом необыкновенном поту. Г-н Виллие пошел тотчас к его величеству, куда и я вслед за ним отправился; пришедши к государю, нашли его величество в кабинете сидящего на канапе в сюртуке и обернутым сверху байковым одеялом, дабы поддерживать пот. Г-н Виллие пощупал пульс и, посмотрев язык, нашел лихорадку, предложил принять тотчас слабительные пилюли, коих его величество изволил принять восемь. После того хотел было заниматься продолжением чтения бумаг, полученных из Санкт-Петербурга во время отсутствия его величества, но я и г-н Виллие от сего отклонили, дабы не увеличить лихорадки занятием

бумаг. Того же вечера в семь часов лекарство произвело свое действие, и государь почувствовал облегчение, был весьма весел, доволен лекарством, благодарил Виллие за пилюли, а меня за все о нем попечение. Потом изволил приказать позвать императрицу, которая изволила оставаться одна у его величества до 10 часов вечера.

7 *ноября.* Ночь проводил государь спокойно и почивал хорошо. Поутру в 8 часов государь изволил делать свой туалет по обыкновению, принимал слабительную микстуру в 11 часов утра, от коей чувствовал себя легче; но ввечеру сделался небольшой жар – от того, что за всеми убеждениями не хотел продолжать микстуру.

8 ноября. Ночь проводил неспокойно и имел лихорадку. Поутру в 8 часов государь изволил делать свой туалет по обыкновению, приняв от меня поздравление с праздником, сожалел, что не может идти к обедне, дабы не возобновить лихорадки. Отпустив меня к обедне, сам изволил в кабинете, сев на канапе, заняться чтением Библии. После обедни, пришедши к его величеству, нашел его сидящим на канапе в маленьком жару. Государь изволил спрашивать, по обыкновению, хорошо ли отправлялась служба, как пели певчие и хорошо ли служил вновь вывезенный из Новочеркасска диакон? Дав на все удовлетворительный ему ответ, я спросил его о здоровье; его величество изволил отвечать, что ему лучше, при сем изволил мне сказать, что не знает, что будет делать с бумагами, коих много накопляется; на сие я отвечал, что теперь не до бумаг, ибо здоровье его величества всего нужнее, а как Бог даст будет ему лучше, тогда успеет все обделать как следует, но и притом нужно будет ему не вдруг заниматься беспрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. После сего приказал позвать к себе императрицу, которая изволила побыть у его величества до самого своего обеда. Государь ничего не изволил кушать, кроме хлебной отварной воды, и жар немного уменьшился.

Государь изволил писать в Санкт-Петербург к ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне, приказал сделать отправление 6-м числом, запретив писать о его болезни, изволил мне сказать: «Боюсь я экстрапочт, чтобы не навлекли хлопот известием о моей болезни и не встревожили бы тем матушку». На сие я сказал, что напишут то, что ему угодно, но вместе с сим полагал я, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвечать, чтобы кто-нибудь из жителей не написал чего и более, чем скорее может всех встревожить. Вечером сделался пот, который продолжался всю ночь.

9 ноября. Ночь была изрядная.

Поутру хотя пот и продолжался, но государь чувствовал себя лучше, что продолжалось во весь день.

Как в тот день должна была отправиться экстрапочта в Санкт-Петербург, то и просил я у его величества, чтобы позволил писать ее величеству о болезни. Государь император приказал государыне писать к ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне, равномерно приказал генерал-адъютанту барону Дибичу писать в Варшаву к цесаревичу, что, возвратясь из Крыма с лихорадкою, принужден не выходить из дома, дабы не увеличить лихорадки.

10 ноября. Государь проводил ночь изрядно, но к утру сделалось хуже. В 8 часов принял шесть слабительных пилюль, в 11 часов утра, вставая с постели за нуждою, получил обморок и весьма ослабел. Во весь день продолжался жар, а к вечеру сделался сильный пот и забывчивость, отчего мало уже и почти совсем не говорил, как только чего просил.

11 ноября. Государь проводил ночь спокойно и поутру чувствовал себя лучше; приказал позвать императрицу, которая оставалась у его величества до самого обеда. Вечеру в 6 часов опять сделался жар, и когда его величество встал за нуждою, с ним был обморок, но не столь сильный, как первый. К ночи жар убавился; потом продолжался во всю ночь, отчего его величество худо почивал.

12 ноября. Поутру жар продолжался; приказывал мне сделать ему питье из апельсинов, которое я вместе с господином Виллие ему сделали, чем его величество был очень доволен

и меня благодарил. Позвать изволил к себе императрицу, которая изволила оставаться целый день. К вечеру сделалось легче.

13 ноября. Государь провел ночь изрядно и поутру принимал слабительное; жар уменьшился до полудня, потом опять начался и продолжался во всю ночь. Вечером принимал два клистира, которые много облегчили. Во весь день мало изволил говорить, кроме что иногда просил пить; апельсинный лимонад ему опротивел, просил сделать другой, почему и сделали из вишневого сиропа.

14 ноября. Поутру жар у государя был поменее, и его величество делал весь свой туалет и брился, как обыкновенно. Около обеда сделался опять сильный жар, и за ушами шея к голове приметно покраснела, почему Виллие и Стоффреген предложили его величеству поставить за уши пиявки, но государь и слышать о сем не хотел… В 8 часов вечера при императрице встал и спустил ноги с постели, отчего сделался ему сильный обморок… Государыня, видя, что жар не уменьшается, изволила решиться предложить его величеству приобщиться, говоря: «Я имею к вам одно предложение: так как вы отвергаете все средства, которые предлагают врачи, то я надеюсь, что вы примете то, которое я имею вам предложить». «Что такое?» – спросил император. – «Это причаститься», – ответила императрица. – «Разве мое положение так опасно?» – спросил его величество. – «Нет, – ответила императрица, – но это такое средство, к которому прибегает всякий христианин во время болезни». Император ответил, что он принимает его с большим удовольствием, и приказал пригласить священника. В самое сие время сделался его величеству пресильнейший пот, почему доктора положили повременить с причастием, пока пот будет продолжаться. Я между тем занялся наставлением священника соборной здешней церкви отца Алексея Федотова…

15 ноября. Жар продолжался до 4 часов утра. В 6 часов сделалось его величеству хуже, о чем я немедля доложил ее величеству, которая, пришедши к государю, тотчас напомнила о духовнике, и вместе с тем г-н Виллие объявил государю, что он в опасности. Его величество приказал позвать духовника и, прослушав молитвы к исповеди, обратился к императрице, сказав: «Оставьте меня одного». Когда все вышли, то государь изволил исповедоваться, а по окончании приказал духовнику позвать императрицу, с коей взошел опять и я с генерал-адъютантом Дибичем и с докторами Виллие, Стоффрегеном, Тарасовым и камердинерами; государь изволил приобщиться Святых Тайн, после чего духовник, поздравя его величество, просил его не отказываться от помощи медиков и советовал по обычаю здешнему приставить пиявки. Умоляя государя не терять времени, стал с крестом в руках на колени. Государь сказал: «Встаньте» – и, поцеловав крест и духовника, сказал, что никогда не ощущал большего удовольствия, как в сей раз; обратясь к императрице, взял ее руку и, поцеловав оную, сказал: «Я никогда не испытывал большего удовольствия и я вам очень благодарен».

Как жар не убавлялся, напротив того, усиливался, то доктора предложили опять пиявки. Его величество, не отказываясь с тех пор ни от чего, употреблял все лекарства, какие ему были подносимы; начали с пиявок, коих поставили за уши тридцать пять по обеим сторонам, что продолжалось довольно долго, и крови довольно было вытянуто; жар хотя и уменьшился, но ненадолго, и к ночи было хуже. Прикладывали синапизмы к рукам и к бедрам.

16 ноября. Ночь проводил худо и все почти в забытьи; в 2 часа ночи попросил лимонного мороженого, которого откушал одну ложечку, потом во весь день ему было худо, к вечеру положили еще к ляжкам синапизмы, но жар не уменьшался. Государь был все хуже, в забытьи, и ничего не говорил.

17 ноября. Ночью было государю худо, поутру в 6½ часов положили на спину шпанскую муху. В 10 часов утра стал всех узнавать и немного говорить, т. е. только просил пить. К вечеру сделалось хуже, однако позвал меня и сказал: «Сделай мне» – и остановился. Я спросил у его величества, что прикажете сделать? Посмотрев на меня, отвечал: «Полосканье». Отошед от

него, заметил, что уже нельзя ему полоскать рта, потому что сил не имел, чтобы подняться, а между тем забылся опять и был всю ночь в опасности.

18 ноября. Поутру государь стал немного посильнее, что и продолжалось до вечера, но к ночи сделался опять сильный жар… В 11 часов и 40 минут вечера опасность начала прибавляться, и с тех пор все уже был в забытьи.

19 ноября. Государь оставался в забытьи во все время до конца, в 10 часов и 50 минут испустил последний дух. Императрица закрыла ему глаза и, поддержав челюсть, подвязала платком, потом изволила пойти к себе.

Таганрог. 7 декабря, 1825 г.

Генерал-адъютант князь Волконский».

Кроме этого, есть еще крайне интересные записки императрицы Елизаветы Алексеевны на французском языке, которые мы считаем необходимым для полной характеристики момента привести целиком; они тоже касаются как раз того же времени, начиная с момента возвращения из Крыма.

«Он возвратился из путешествия по Крыму в четверг *5 ноября* около семи часов вечера. Так как он опоздал более обыкновенного зайти ко мне, то мне пришла мысль, что он мог вернуться больным; я испытывала беспокойство и неопределенную тоску, а при виде плошек, освещавших улицу так же, как при его возвращении из Новочеркасска, я сказала себе с грустью: «Он отправится отсюда еще раз, но уже больше не возвратится». Когда он вошел, мой первый вопрос был: «Здоровы ли вы?» Он мне сказал, что нет, что у него лихорадка уже два дня, он думает, что схватил крымскую лихорадку. Я его усадила, у него был жар, он мне сказал, что полковник Со ломко и слуга Евстифеев тоже заразились ею. У себя он приписывал причину ее барбарисному сиропу, который он пил в Бахчисарае, когда хотел очень пить; он полагал, что так как от этого питья у него приключилось расстройство желудка и так как эта болезнь его ослабила, то он сделался более восприимчивым к заболеванию лихорадкой. Он сказал, что после первого приступа он не предупредил Виллие и что пригласил его только после второго, что тот дал ему пунш и что в течение дня его не лихорадило; он приказал принести себе чаю с лимоном, а когда доложили о Виллие, он пригласил его для того, чтобы сказать ему, что он чувствует себя довольно хорошо, что его не знобит, но что ему жарко. Я без труда уговорила его пойти лечь спать пораньше, хотя он еще с полчаса рассказывал о своем путешествии, а выходя, пожелав мне покойной ночи, он прибавил: «Я очень рад, что вижу вас опять» – так как, получивши известие о смерти короля Баварского, он мне писал, что будет беспокоиться о том, какое действие окажет это на меня, и что он не успокоится, пока меня не увидит.

В *пятницу* утром *6-го* он приказал сказать мне, что он очень хорошо провел ночь. Он пришел ко мне около 11 часов. Он был желт и имел плохой вид – у него был вид больного. Он сел, я ему показала его письма, которые он хотел видеть накануне, мы говорили о том, что произошло в его отсутствие; когда же он уходил, то я его спросила, не желает ли он обедать со мной вместе и не стеснит ли это его. «Я очень этого желаю», – ответил он. Когда же он пришел к обеду, я нашла его вид еще хуже, чем утром. Он сказал мне, что просит разрешения встать из-за стола тотчас, как только он кончит свой скромный обед, потому что у себя он закутывается в шубу. Ему подали суп с крупой, он ел его и сказал: «Оказывается, у меня больше аппетита, чем я думал». Потом он только попробовал лимонного желе и сказал метрдотелю, что он готовит желе слишком сладким. Он встал из-за стола.

Около 4 часов он прислал за мной; я нашла его на канапе, он сказал мне, что, вернувшись к себе, лег и заснул, потом он хотел работать, но так как очень устал, то вышел из-за стола и, желая отдохнуть, попросил меня взять книгу. В таком положении он оставался некоторое время, ни слова не говоря, но и не засыпая. Мы припомнили, что мы накануне годовщины наводнения, и говорили, что можно надеяться, что этот год пройдет благополучно в этом отно-

шении; тем не менее надо мною что-то тяготело, какое-то ожидание несчастия или бедствия. Он пораньше велел принести огня, видя, что я едва могла различать при чтении.

В 5 часов слуга Федоров доложил о Виллие; он едва мог его расслышать, так как слух его стал особенно туг, он сам замечал это и говорил, что это происходит от лихорадки и что это у него было уже в первые дни при заболевании рожею. Он упрекал своего камердинера, что он говорит тише обыкновенного, тогда как он слышал хуже обыкновенного. Он приказал пригласить Виллие; он просил также и Виллие говорить громче. Виллие посоветовал ему предпринять лечение, но он долго отказывался. Виллие хотел, чтобы он сделал это тотчас же, но он отказывался, обещая, что он сделает это на другой день утром, тотчас, как только захотят этого от него, между тем как, принимая с вечера, он испортит себе ночь, а между тем, он надеется, она будет такою же, как и предыдущая. Виллие уверял, что действие должно произойти до ночи, и упрашивал его принять, я сзади Виллие глазами умоляла о том же. Наконец он мне сказал: «Вы держитесь того же мнения, что Виллие?» Я ответила знаком, что да. «Ну хорошо», – сказал он, и Виллие пошел приготовлять пилюли. Они были готовы через полчаса. Виллие принес их, в это время вошел князь Волконский, двух пилюль не хватало, они спрятались в рукаве, где их нашли, и смеялись над этим фокусом. Мы оставались одни еще до 7 часов вечера. Тогда он мне сказал, чтобы я его оставила, потому что приближалось действие лекарства. Я сказала ему: «Я еще увижу вас?» – «Да, сегодня вечером».

Но так как до 9 часов вечера он не присылал за мной, я приказала позвать Виллие, который сказал мне, что лекарство отлично подействовало и что он после этого заснул и теперь еще спит. Виллие принялся весело болтать, наконец я ему поручила сказать императору, если он его увидит, когда тот проснется, что я уже легла спать, так как уже поздно, и пожелала спокойной ночи Виллие. Действительно, он спал на канапе до полуночи и проснулся только, чтобы перейти на кровать.

В *субботу 7-го* он пришел ко мне между 11 и 12 часами. Он сказал мне, что чувствует себя лучше: «Вчера, когда я сидел там, я испытывал какое-то крайне тягостное ощущение, и вечером, когда я просил вас оставить меня вследствие действия лекарства – это было не столько потому, ибо действие наступило только через двадцать минут, а потому, что я чувствовал какое-то смутное беспокойство, мне было стыдно, если бы меня увидели в таком состоянии: я не знал, куда мне деваться». Он согласился, что потом ему помогли; он был как всегда желт, но более весел. Мы занялись раковинами, которые я собрала; наконец он сказал, что я должна идти гулять, а он пойдет работать. Я уговаривала его не работать по стольку, что это ему повредило накануне. Он отвечал мне: «Это сделалось столь привычным для меня, что я не могу без этого обходиться, и я чувствую пустоту в голове, когда ничего не делаю; если я оставлю свой пост, то мне придется поглощать целые библиотеки, иначе я сойду с ума».

Когда я возвратилась с прогулки, он прислал мне последнее письмо, приглашая меня присутствовать за его обедом. Я поспешила туда. Он ел суп с крупой и сухую кашу с бульоном. Он продолжал принимать слабительные средства; после своего скромного обеда он ходил по комнате, остановился около одного из комодов и привел в порядок пакеты с бумагами для отправки; но через некоторое время он мне сказал: «Вам нужно меня скоро оставить, ибо мое лекарство действует, мой желудок не удерживает ничего». Он отослал меня обедать.

Между 3 и 4 часами он пришел ко мне и застал меня лежащей на диване, который он делал для меня и из которого я сделала себе кровать. Я ему сказала, что, собственно говоря, ему бы следовало лечь, а не мне, и приглашала его лечь, он сначала было поколебался, а потом сказал, что теперь же отправится лечь к себе. Мы немного побеседовали. Потом он поднялся и сказал: «Я пришел узнать, почему вы не отправились на прогулку, после обеда была такая хорошая погода». Я ему сказала, что дышала воздухом в окно и что я получила два удовольствия: слушать море и слышать звон прекрасного колокола греческой церкви Константина и Елены; я с таким увлечением описывала ему звон этого колокола, что он сказал мне с улыбкой:

«Вот вы увидите, что вам так здесь понравится, что вы не сможете отсюда уехать». Около 7 часов он пригласил меня к себе.

Я нашла его раздетым, в домашнем костюме, лежащим на диване. «Что это значит?» – спросила я. Он ответил мне, что его лекарство подействовало до охлаждения конечностей и боли в желудке, что он надел фланелевый бинт, и что Виллие предложил ему чашку чая, и что он чувствует себя хорошо. Он был весел, я принесла ему рисунок и план, который сделал с нашего дома Шарнеман для отсылки императрице-матери, он его рассмотрел, а также и объяснения, которые я сделала письменно, одобрял, критиковал и сделал поправки. При этом сказал: «Это доставит удовольствие моей матери…» Я принесла ему также модные журналы, полученные в его отсутствие, он был в хорошем расположении, лучшем, чем накануне, и много говорил, я ему рассказала о впечатлении, которое произвели клавесины полковника Фредерикса на калмыков. Он смеялся и сказал: «Хорошо, вы можете доставить себе это удовольствие, когда они придут к вам прощаться, скажите им, что вы узнали, что они любят музыку, и сыграйте им что-нибудь». Но потом мы нашли, что это было бы противно моему достоинству в глазах их, но он предложил заставить сыграть князя Волконского, чтобы произвести то же радостное впечатление на них, которое они испытывали у полковника Фредерикса.

В 9 часов вошли Виллие и князь Волконский. Виллие спросил, как он себя чувствует, он сказал «хорошо» – между тем как Виллие нашел у него жар и нашел, что он, конечно, еще слишком много работал после обеда. «Это необходимость, это меня успокаивает», – ответил он. Князь Волконский сказал, что бал в клубе решено завтра не давать, потому что при дворе траур. Он поднял спор. Вошел генерал Дибич, он распорядился еще в его присутствии о некоторых поправках к рисунку. Когда эти господа ушли, мы остались одни, но по прошествии некоторого времени он пожелал мне покойной ночи и поднялся еще, чтобы я могла поцеловать его в затылок.

В *воскресенье 8-го* он приказал меня позвать, прежде чем я отправилась к обедне. Он сказал, что ночью у него был жар, тем не менее он был одет; через некоторое время я ушла к обедне, а потом вернулась опять к нему. «Слишком плохая погода для того, чтобы вам выходить», – сказал он мне (была буря), я соглашалась с удовольствием. Он рассказывал уже во второй раз после своего возвращения о диаконе из Черкасска. Мы говорили о том, что сделано в городе во время его отсутствия, согласно его указаниям, по украшению города, я сказала, что работали с усердием. «Это очень милые люди», – сказал он. Спустя некоторое время он попросил меня оставить его. Он пригласил меня опять, чтобы присутствовать при его обеде, – это был стакан яблочной воды с соком из черной смородины, – тем не менее он крестился, прежде чем выпить его, как будто бы он садился за стол, а после того как выпил половину, нашел это вкусным и приказал отыскать Виллие, чтобы спросить его, нужно ли оставить ему половину на ужин, или он может получить другой стакан. Виллие сказал, что если он желает, то ему дадут вечером другой стакан того же самого. Тогда он мне сказал, что это как раз то, что ему было нужно, что он случайно нашел запас этого у князя Волконского, которому его подарила его сестра, а та в свою очередь получила от своего знакомого, и что он слышал, будто это питье полезно при этой болезни. Около 2 часов он послал меня обедать, между 5 и 6 часами он прислал за мной и сказал, что собирается посылать курьера в Петербург, и дал мне по этому поводу распоряжение.

Он имел очень болезненный вид; у него был жар в голове. Я отправилась исполнить его распоряжения и сообщила ему о результате. Он сказал мне: «Очень хорошо, отошлите пакет генералу Дибичу и, когда кончите, возвращайтесь». Я возвратилась около 7 часов, – ему было лучше; я принесла ему вчерашние газеты (прибывшие в его отсутствие), которые его заинтересовали, он сказал лишь принести ему продолжение; я ему сказала: «Раньше у вас был такой утомленный вид, что мне было больно на вас смотреть, теперь вы кажетесь лучше!» – «Да, я

чувствую себя лучше», – сказал он мне. Через некоторое время он начал опять читать, я тоже читала.

Потом он приготовился лечь спать и лег с таким счастливым видом, что было приятно на него смотреть – улыбнулся и заснул. Он спал таким образом около двух часов и дышал спокойно и сладко; он проснулся только один раз, посмотрел вокруг себя со странным выражением, которое я приняла за веселое и которое я потом видела в ужасные минуты! – и опять заснул, улыбаясь. Вошел слуга доложить о Виллие, но он так крепко спал, что его не будили. Наконец в 9 часов он проснулся. Вошел Виллие: «Как вы себя чувствуете?» – «Очень хорошо, спокоен, свеж». Виллие сказал: «Вот увидите, будет испарина». После непродолжительного разговора его уговорили лечь спать. «Я так хорошо чувствую себя здесь», – сказал он, когда же я уходила, чтобы дать ему заснуть, он сказал еще мне: «Возьмите газеты, завтра принесите мне остальные». В 10 часов я приказала позвать Виллие, и спросила его, заснул ли он уже, он же сказал мне, что не мог уговорить его лечь, что он улыбался, постоянно повторяя «как мне хорошо здесь», но что тем не менее он попросил свою кровать. Ночью действительно был хороший, обильный пот.

Понедельник, 9 ноября. Стоффреген мне сказал, что можно считать болезнь пресеченной, что если бы лихорадка возвратилась, она бы приняла перемежающуюся форму и скоро бы окончилась. Что я могу даже написать в Петербург, что болезнь уже прошла. Я видела его перед уходом, а потом он прислал за мной к своему обеду. Ему подали овсяной суп – он сказал, что у него появился настоящий аппетит, что это первый раз с 3 числа. Однако он нашел суп слишком густым и прибавил туда воды, он ел его с аппетитом, а после ел сливы – он даже имел желание съесть больше, но сказал: «Надо быть благоразумным». Через некоторое время он сказал, что мне надо идти обедать, «а я как порядочный человек пойду отдохну после обеда». Между 6 и 7 часами он прислал за мною – принести журналы: «Вы мне приносите игрушки, как ребенку», – сказал он. Он прочел остальное, но устал, у него был жар.

В ожидании я читала воспоминания m-me de Genlis, и он мне задал несколько вопросов по этому поводу. В Петербурге он сказал мне взять их потому, что он мог бы их прочитать, я ему сказала, что это такое легкое чтение, как будто нарочно создано для больных. «Завтра, может быть», – сказал он. Вечером он вдруг спросил меня: «А почему вы не носите траура (по королю Баварскому)?» Я ответила ему, что сняла его по случаю его приезда, что с тех пор у меня больше не было желания его надевать, но что, если он желает, я завтра же надену его.

Вторнику 10 ноября. Он должен был принять лекарство утром. Стоффреген приходил два раза сообщать мне новости о действии лекарства и сказал мне, что он так ослабел, что чувствует себя дурно. Я не удивилась тому, что он меня не позвал, так как знала, что он не любил, чтоб его беспокоили во время действия лекарства. Я отправилась на прогулку, возвратилась, окончила свой обед, а он все еще не присылал за мной. Я начала беспокоиться, приказала позвать Виллие. Виллие пригласил меня пройти к нему, и я нашла его лежащим в уборной на кровати, голова была очень горяча, однако он меня увидел и сказал: «Я за вами не посылал сегодня утром, потому что я провел ужасное утро благодаря этому противному лекарству, у меня были боли в сердце, я должен был постоянно вставать, из-за этого я так ослабел»; окно было открыто, он заметил, что была хорошая погода: «Двенадцать градусов тепла в ноябре!» – сказал он Виллие. Но скоро он впал в тяжелое забытье, и дыхание стало тяжелым. В первый раз я увидела опасность. Я провела с Виллие два или три ужасных часа около этой постели. Я видела Виллие взволнованным и очень озабоченным, однако он говорил: «Вы увидите, что будет обильный пот». Пот явился, но забытье продолжалось столь тяжелое, что он не чувствовал, как Виллие часто вытирал ему лицо.

Однако через некоторое время он мало-помалу пришел в себя и взял носовой платок, чтобы вытереться, говоря: «Благодарю вас, я сделаю все это сам! У вас нет с вами вашей книги». Его следовало переодеть. Я вышла, но он послал за мною, как только переменил белье, и он

лежал на диване в кабинете, он удивительно хорошо выглядел для того состояния, в каком он был после обеда. У меня была книга, и я сделала вид, что читаю, а между тем наблюдала за ним – он заметил, что я смущена. Я ему сказала, что у меня сильно болит голова, что рано закрыли печь рядом с моей кроватью, – это было верно, но лицо мое было расстроено от слез; он спросил меня, кто это сделал, я назвала горничную; тогда он подробно объяснил, как нужно топить эту комнату. Он спросил меня, гуляла ли я, я ему отвечала, что да, и рассказала ему, что встретила калмыков на лошадях и что, говорят, когда они узнали о его болезни, то они хотели отслужить молебен о его выздоровлении. «Кстати, – сказал он, – они хотят попрощаться с вами, я не могу их принять, так уж примите вы». – «Когда?» – спросила я. – «Да хоть завтра, скажите об этом Волконскому». Пожелав ему покойной ночи и обняв его, я перекрестила его дорогой лоб, он улыбнулся.

Среда, 11 ноября. Он приказал мне сказать, что он провел ночь спокойно. Я пригласила калмыков в 11 часов. Он приказал мне передать через Волконского зайти раньше к нему, он выглядел очень хорошо; он показал мне стакан с уксусом и альпийской водой, которую Виллие приготовил для него для умывания лица, и сказал, что это наслаждение; он спрашивал меня, что мне говорили калмыки и велела ли я им сыграть. Я сказала, что нет, что я сказала им другое, что я поблагодарила их за молитвы о нем, что я их спросила, в первый ли раз это было, что они вошли в нашу церковь; я хотела продолжать, но он не слушал более и напомнил своему камердинеру вымыть ему лицо приготовленным уксусом. Он сказал, чтобы я ушла и вернулась перед прогулкой. Я пришла опять, перед тем как отправиться, он спросил меня, куда я намерена пойти. Я ему сказала, что хотела бы спуститься пешком с горы, чтобы пройти к источнику. «Вы найдете там казаков, – сказал он, – они поместили теперь своих лошадей в одном из пустых пакгаузов». – «Почему?» – спросила я. – «Они желали быть поближе».

Он сказал мне, чтобы я зашла к нему с прогулки; я зашла к нему; он спросил меня, выполнила ли я план прогулки, я сказала, что да. «Видели ли вы казаков?» – «Я видела там только двух офицеров». Я сказала ему, что вчера, во время моей прогулки в сторону карантина, я была приятно поражена и тронута, видя, что садовник Грей работал над украшением моего любимого местечка. Я спросила его, не он ли это все устроил? Он мне ответил с тем добрым выражением, которое он часто умел принимать: «Да, так как он не может работать теперь с другой стороны» (на месте, где император хотел развести сад, для чего исключительно был вызван Грей). «Я ему велел пока устроить ваше любимое местечко». Я его поблагодарила. Он казался довольно бодрым, и голова его была свежа. Он сказал мне, что необходимо, чтобы я пошла еще раз гулять после обеда, я просила его избавить меня от этой прогулки и уверяла, что я гораздо лучше чувствую себя дома и спокойнее, когда нахожусь возле него, – я сказала это с некоторым волнением. «Хорошо, – сказал он, – побольше благоразумия, будем благоразумны!»

Он дал мне попробовать питье, которое, казалось ему, имеет какой-то посторонний привкус, я тоже находила это, и он мне сказал, что Егорович нашел то же самое. Вошел Виллие, он сказал ему про питье и сказал ему, что мы нашли. Виллие утверждал, что этого не может быть. Спустя некоторое время вошел Стоффреген, пока он был еще там, он сказал ему, указывая на меня: «Говорила она вам вчера, что с нею было?» Я не могла вспомнить, о чем шла речь, оказалось, что это он говорил о вчерашней топке печи, в 2 часа он отослал меня обедать. В 5 часов я позвала Виллие и спросила у него, как обстоит дело. Виллие был весел, он сказал мне, что в настоящий момент есть жар, но что я должна пойти к нему, так как он не в таком состоянии, как вчера!»

На этом записки императрицы кончаются.

Над умершим

Итак, 19 ноября Александра I не стало, а все окружающие его были сразу поставлены в громадное затруднение. На противоположном конце страны от столицы, в полном неведении, где теперь находится новый император, они долго еще продолжали переписываться до окончательного выяснения дела.

Первое уведомление было послано императору Константину Дибичем от того же 19 ноября следующего содержания: «С сердечным прискорбием имею долг донести вашему императорскому величеству, что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустейшего нашего государя императора Александра Павловича сего ноября 19 дня в 10 часов и 50 минут по полуночи здесь, в городе Таганроге. Имею счастье представить при сем акт за подписанием находившихся при сем бедственном случае генерал-адъютантов и лейб-медиков. Таганрог. Ноября 19 дня 1825 года, № 1. Генерал-адъютант Дибич».

Акт же, о котором упоминает Дибич в своем рапорте, гласит следующее: «Нижеподписавшиеся, находясь Екате-риносла́вской губернии в городе Таганроге при высочайшей особе его императорского величества, с глубочайшею верноподданническою скорбью свидетельствуют, что благочестивейший государь император Александр Павлович, Самодержец всероссийский и пр. и пр. и пр., на возвратном пути из Крыма, 3 и в особенности 4 ноября почувствовал первоначальные лихорадочные припадки, кои скоро по прибытии его величества в Таганрог 5 числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, из коей образовалась впоследствии воспалительная жестокая горячка с прилитием крови в голову. Сия болезнь увеличивалась с быстротою и продолжалась с таким упорством, что все непрестанно употребляемые к прекращению ее врачебные средства оставались тщетными. 15 числа государь император изволил приобщиться Святых Тайн. 17-го поутру в положении его величества примечена была некоторая перемена, возбудившая слабый луч надежды к облегчению страждущего венценосца; но в продолжение того и последующих дней, при совершенном истощении сил его величества, горячка усиливалась с сугубой жестокостью. 19 же числа по полуночи в 10 часов и 50 минут государь император отошел из сей жизни в вечную. Все сие, к неописанной горести верных сынов России, совершилось в присутствии ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны, которая во всю болезнь августейшего ее супруга изволила быть при нем неотлучно, при чем и мы, нижеподписавшиеся, непрерывно находились. Настоящее свидетельство утверждаем подписанием нашим в двух экземплярах. Писано и подписано Екатеринославской губернии в городе Таганроге ноября в 19 день 1825 года. Член Госуд. совета, ген. от инф., ген. – адъют. кн. Петр Волконский. Член Госуд. сов., нач. Гл. штаба, ген. – адъют. барон Дибич. Баронет Яков Виллие, тайн. сов. и лейб-медик. Конрад Стоффреген, дейст. ст. сов. и лейб-медик».

Известие о смерти Александра получено было в Петербурге только 27 ноября во время молебствия о здравии императора.

Оно было сообщено первому Николаю Павловичу в церкви. Затем он уже от себя сообщил императрице-матери и своей жене. С этого же дня начались все перипетии междуцарствия и семейного раздела наследства. Не удивительно, что за это время потеряли голову и забыли об умершем, или, правильнее сказать, не имели достаточно времени распорядиться и перевезти его тело в столицу. Только 3 декабря Николай Павлович нашел возможность написать князю Волконскому следующее: «Письмо матушки, любезный Петр Михайлович, достаточно вас уведомит о причинах, побудивших нас всех просить через нее государыню императрицу решить самой все, что касается до тела нашего ангела: кому, если не ей, принадлежит собственность сих драгоценных останков нашего отца, кому ж, если не ей, решить все, что в силах будет сама решить. Но так как ее решение может касаться только до общих распоряжений, то на вас

остается тяжелая обязанность всех необходимых приличных чести русского имени и памяти нашего ангела распоряжений.

Потому беру я на себя просить вас войти в сношение со всеми местными начальствами, с главнокомандующим и с прочими местами, с коими нужно будет, довольствуясь прямо мне доносить о принятых уже мерах, разрешая наперед все, что найдете приличным. Для сего, а равно и для уведомления, что императрица изволит решить касательно отъезда, дороги и времени прибытия сюда, равно и что самой государыни заблагорассудится делать, прошу сейчас прислать мне уведомление; все же сношения, нужные с местами, здесь находящимися, прошу делать непосредственно через меня. Дабы быть всегда известному как о здоровье государыни, так и об ваших распоряжениях, нужным считаю просить присылать уведомление, по крайней мере, через два дня. Государь предоставил мне все по оному распоряжению.

Статья важная, и которую сама государыня изволит решить, есть, везти ли тело отца нашего на Москву или иной дорогой; ей одной должно и можно сие решить. С нетерпением жду ваших известий – повторяю, помните, кого храните и чей государь он был! Скорее много, чем мало, вот мое мнение.

Ваш искренно доброжелательный

Николай».

Другое письмо было написано и послано Николаем Павловичем князю Волконскому 5 декабря: «В дополнение последнего моего письма, любезный Петр Михайлович, нужным считаю вас уведомить, что с разрешения матушки все флигель-адъютанты государя, не находящиеся при войсках, и генерал-адъютант Трубецкой, как один здесь без должности находящийся, получили повеление отправиться и явиться к вам для нахождения при теле нашего ангела. Генерал-адъютант Васильчиков, хотя без должности, но находящийся в Совете, где присутствие его необходимо, остается здесь, равно как и прочие генерал- и флигель-адъютанты до особого повеления государя императора. Известия от его величества нами ожидаются с большим нетерпением, ибо все зависит от него одного. Ежели мы здесь долго останемся без его повелений или в безызвестности его решения, будет ли или не будет ли сюда, мы не будем в состоянии отвечать здесь за поддержание нынешнего порядка и устройства и тишины, которые, благодаря Бога, совершенны и поразительны не только для чужестранных, но, признаюсь, и для нас самих. Михайло Павлович, приехавший третьего дня с известием из Варшавы, что государь изволит уже быть известен о несчастном вашем донесении, ничего не привез решительного и потому от матушки возвращен в Варшаву сего же дня, с неотступною ее просьбою пожаловать сюда, где его присутствие необходимо.

Известия ваши о здоровье Елизаветы Алексеевны нас крайне беспокоят, хотя ее величество и изволила сама писать к матушке рукою, кажущеюся тверже последнего письма; оборони нас Боже второго несчастия.

Здоровье матушки хорошо, важность обстоятельств развлекает полезным образом ее мысли и не дает предаваться совершенно одному горю. Бог милостив.

Прощайте, да хранит вас Бог, и молите Его, чтоб нас не покинул.

Ваш искренний Николай».

В ответ на это Волконский 14 декабря пишет: «Прибывший сюда 12 декабря вечером из Санкт-Петербурга адъютант мой, г-н Реад, вручил мне всемилостивейший рескрипт вашего императорского высочества, коим изволите уведомлять, что все флигель-адъютанты и генерал-адъютант князь Трубецкой получили повеление отправиться сюда для нахождения при теле покойного государя императора. Принося вашему императорскому высочеству мою наичувствительную благодарность за таковое извещение, полагаю поручить генерал-адъютанту

князю Трубецкому главное начальство при сопровождении тела, а флигель-адъютанты в то же время будут отправлять дежурство по очереди.

Зная важность теперешних обстоятельств, весьма понимаю нетерпение, в каком должно находиться ваше императорское высочество от неприбытия еще государя императора в Санкт-Петербург; я надеюсь, что Всевышний Бог поможет милостию своею вашему императорскому высочеству поддержать существующий порядок, устройство и тишину и что все верноподданные его императорского величества всячески стараться будут сохранить оные вполне.

Здоровье государыни императрицы Елизаветы Алексеевны очень нас беспокоит частою переменою и всегда менее к лучшему. Г-н лейб-медик Стоффреген еще сего дня уверял меня, что он находит ее величество лучше и что прежде чувствуемых припадков она более не имеет; напротив того, получила от скорби обыкновенные нервические припадки, которые, по его мнению, не подают никакого беспокойства, и надеется, что с помощью Божией со временем совсем пройдут».

Князь Волконский и барон Дибич нашли в бумагах умершего императора церемониал похорон императрицы Екатерины II, захваченный им с собою, может быть, на случай смерти Елизаветы Алексеевны; вот этот-то церемониал как раз облегчил их задачу и пригодился для похорон самого Александра.

11 декабря тело императора Александра перенесли в собор Александровского монастыря, поставив на специально устроенном там катафалке под балдахином.

29 декабря 1825 года печальная процессия двинулась в Петербург.

На другой день князь Волконский писал так цесаревичу Константину Павловичу: «Вчерашний день был для нас ужаснейшим, ибо навеки расстались с отцом нашим, в Бозе почивающим покойным государем императором. Не могу описать вашему императорскому высочеству той минуты, в которую принесено последнее поклонение праху его, и чувств горести и скорби, всеми ощущаемых. В 10 часов утра, после литургии и панихиды, кортеж выступит отсюда с той же церемонией, какая была при переносе тела из дворца в монастырь. Народ сопровождал по всей дороге до самого ночлега и даже из сторонних деревень. Вдовствующая государыня императрица Елизавета Алексеевна изволила присутствовать при последней панихиде и прощалась с телом любезнейшего ее супруга, с коим вечная разлука не могла не подействовать на весьма ослабленное уже от скорби и прежней болезни ее здоровье».

В то же время сама Елизавета Алексеевна писала своей матери 31 декабря следующее: «Все земные узы порваны между нами! Те, которые образуются в вечности, будут уже другие, конечно, еще более приятные, но, пока я еще ношу эту грустную, бренную оболочку, больно говорить самой себе, что он уже не будет более причастен моей жизни здесь, на земле. Друзья с детства, мы шли вместе в течение тридцати двух лет. Мы вместе пережили все эпохи жизни. Часто отчужденные друг от друга, мы тем или другим образом снова сходились, очутившись, наконец, на истинном пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. В это-то время она была отнята от меня! Конечно, я заслуживала это, я недостаточно сознавала благодеяние Бога, быть может, еще слишком чувствовала маленькие шероховатости. Наконец, как бы то ни было, так было угодно Богу. Пусть Он соблаговолит позволить, чтобы я не утратила плодов этого скорбного креста – он был ниспослан мне не без цели. Когда я думаю о своей судьбе, то во всем ходе ее я узнаю руку Божию».

4 января 1826 года князь Волконский писал следующее уже императору Николаю: «Насчет сопровождения оного (т. е. тела Александра) я был в большом затруднении по неприбытию сюда никого из Санкт-Петербурга; из генерал-адъютантов граф Ожаровский не бывал по сие время; граф Ламберт хотя и находится здесь, то как он не нашего исповедания, то государыне императрице угодно было приказать потребовать генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, коему изволила сама поручить драгоценные останки покойного супруга своего, в надежде, что ваше императорское величество благоволите утвердить сделанный ее величе-

ством выбор и позволите графу Орлову-Денисову довершить до Санкт-Петербурга возложенное на него поручение».

Императрица Елизавета Алексеевна, кроме того, при самом выступлении из Таганрога пригласила к себе Тарасова и сказала: «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому я никому не могу лучше поручить, как вам, наблюдать во все путешествие за сохранением тела его и проводить гроб его до самой могилы».

Процессия направилась на Харьков, Курск, Орел, Тулу в Москву. Тарасов пишет, что начальствовавший над церемонией и войсками, составлявшими эскорт, граф Орлов-Денисов наблюдал везде строгий порядок и военную дисциплину. На козлах колесницы постоянно сидел лейб-кучер покойного государя Илья Байков. Все ночлеги были в селах или городах, так что гроб всегда ночевал в церквах. Усердием жителей сооружались великолепные катафалки. В каждой епархии на границе встречал архиерей с духовенством всего уезда, чтобы сменить духовенство предшествовавшей губернии. В городах войска выстраивались шпалерами, и, где была артиллерия, во время следования процессии производилась пальба. У колесницы народ нередко отпрягал лошадей и вез ее на себе. Переезды были обыкновенно не более пятидесяти верст. На границе каждой губернии останавливались в поле, и губернатор одной губернии передавал церемониал губернатору другой, который и провожал процессию через свою. На всем пути, даже в степных местах, стекались жители большими массами; в городах, а в особенности в губернских, стечение народа принимало обширные размеры. Не было недостатка и в разных нелепых слухах, которые, как говорит Тарасов, распространялись среди народа неблагонамеренными людьми и вызывали со стороны графа Орлова-Денисова принятие необходимых мер предосторожности. Так, например, когда шествие приближалось к Туле, донесли, что фабричные намереваются вскрыть гроб; но все обошлось благополучно. Оружейники просили только отпрячь лошадей и везти колесницу до города на расстоянии пяти верст.

«Кроме личного повеления, – пишет Тарасов, – данного мне императрицей в Таганроге, я имел особенное предписание от графа Орлова-Денисова о возможном попечении за целостью тела императора во время всего шествия. С этой целью я представил графу, что для удостоверения о положении тела императора необходимо по временам вскрывать гроб и осматривать тело. Таковые осмотры, при особом комитете в присутствии графа, производились в полночь пять раз, и каждый раз по осмотре я представлял донесение графу о положении тела. Для ежедневного же наблюдения в гробе было сделано отверстие в виде клапана, через которое всегда можно было удостовериться о целости тела. Когда же мороз понижался до двух или трех градусов по Реомюру, тогда под гробом постоянно держались ящики со льдом, нашатырем и поваренной солью для поддержания холода».

3 февраля 1826 печальная процессия прибыла к Москве. На протяжении версты от Подольской заставы, по обеим сторонам дороги, были выстроены войска, пехота и кавалерия, с заряженными ружьями. В Коломенском гроб был поставлен на парадную колесницу, приготовленную в Москве. Там прежних лошадей заменили восемью придворными лошадьми цугом, в сбруе с глубоким трауром; дорожную прислугу заменила прислуга придворная. Тарасов описывает при этом следующее происшествие: «По смене в колеснице лошадей лейб-кучер покойного императора, Илья Байков, поспешил и на новой парадной колеснице занять свое место на козлах; назначенный в Москве парадный в трауре кучер подходит к нему и просит его уступить место; Илья Байков положительно и настойчиво отказывает ему в требовании. На этот спор подходит унтер-шталмейстер и приказывает Байкову оставить место; Байков не повинуется приказанию. Наконец это упорство Байкова доведено было до сведения самого князя Голицына (московского генерал-губернатора), который приказал было удалить Байкова силой, сказав ему, что он с бородой не может быть в этой церемонии. На это Байков, в чувстве преданности к императору, отвечал:

– Я возле императора с лишком тридцать лет и хочу служить ему до могилы, а если теперь мешает только моя борода, то прикажите сейчас ее сбрить.

Князь Голицын, тронутый такою преданностью, приказал оставить Байкова на козлах».

В Москве для церемониала перевозки была образована особая печальная комиссия под начальством князя Николая Борисовича Юсупова. Гроб был поставлен на катафалке в Архангельском соборе, посреди гробниц царей русских. Стечение народа для поклонения гробу было громадное. Ввиду тревожных слухов, распространившихся в Москве, полицией были приняты деятельные и строгие меры предосторожности для предупреждения беспорядков и смут. В девять часов запирали ворота в Кремле, и у каждого входа стояли заряженные орудия. Пехота расположилась в Кремле, а кавалерийская бригада – в экзерциргаузе с оседланными лошадьми. По городу всю ночь ходили военные патрули. Однако ни малейшего шума или беспорядка не было замечено.

Орлов-Денисов 6 и 7 февраля так доносил барону Дибичу: «По высочайшему повелению от 2 февраля за № 196 ваше превосходительство изволили препроводить мне представленное главным по армии медицинским инспектором, лейб-медиком Виллие, мнение касательно свинцового гроба, вмещающего тело блаженной памяти государя императора Александра Павловича. Приняв на себя высокую и священную для меня обязанность сопровождать бесценные останки почивающего в Бозе государя императора, я главнейшим для себя долгом поставил неусыпно пещись о хранении оных как во время самого шествия, так и на ночлегах и дневках. Из приложенной у сего в копии инструкции дежурному при гробе флигель-адъютанту ваше превосходительство усмотреть изволите распоряжения мои по сему предмету; сверх того, находящемуся при печальной свите медико-хирургу надворному советнику Тарасову поручено мною строго наблюдать за надлежащей при гробе температурой, который, следуя безотлучно во время шествия при оном, на ночлегах и дневках с большой аккуратностью смотрит за содержанием гроба, сколько возможно, в низшей температуре. Касательно же осмотра свинцового гроба и положения в оном самого тела государя императора, то, не решаясь доселе приступить к нему до получения на то высочайшей воли, я не премину теперь выполнить сие по выступлении из Москвы при новом, удобном к тому случае во время ночлега, стараясь сделать сие, сколько это будет возможно, уединеннее и осторожнее, о последующем не премину обстоятельно уведомить ваше превосходительство».

Второе донесение гласит: «По благополучном выступлении из Москвы, на втором ночлеге в селе Чашошкове, 7 февраля, в 7 часов пополудни, по удалении всех посторонних из церкви, генерал-адъютантами графом Остерманом-Толстым, Бороздиным и Сипягиным и мною, флигель-адъютантами и полковниками Германом, Шкуриным, Кокошкиным, графом Залуцким и ротмистром Плаутиным, также гвардии полковниками, кавалергардом Араповым, Соломкой и медико-хирургом Тарасовым для удостоверения насчет положения тела почивающего в Бозе императора Александра предпринято было вскрытие свинцового гроба и тщательнейшим осмотром оного оказалось следующее: по снятии деревянной крышки крышка свинцового гроба оказалась на своем месте и в совершенной сохранности, кроме только угла правой стороны близ головы, который не более как на одну линию опустился вниз, в том же самом месте конец железного прута, служащего подпоркой свинцовой крышки, немного отстал от своего места. Когда же свинцовая крышка была с возможной осторожностью нами поднята, то положение самого тела в гробу представилось нам в совершенном порядке и сохранности, так что в укладке оного ни малейшей перемены на путешествии не последовало. При сем вскрытии, кроме ароматного и бальзамического запаха, никакого газа не было приметно. После сего оба гроба закрыты нами по-прежнему».

6 февраля при выступлении из Москвы архиепископ Филарет сопровождал гроб до Петровского дворца за Тверской заставой, где была совершена им и всем московским духовенством лития. Дальше шествие направилось через Тверь и Новгород в Царское Село.

На границе Новгородской губернии шествие было встречено епархиальным архиереем, при котором был Фотий. Последний читал Евангелие при гробе на ночлегах. Тарасов сообщает, что тут же присоединился к шествию Аракчеев, который хотел стать на колесницу при выезде из Новгорода, но его сначала не допустили до этого, а потом он с разрешения Орлова-Денисова получил место на левой ее стороне.

Вследствие запроса верховного маршала печальной комиссии в Петербурге, князя Алексея Борисовича Куракина, о положении и целости тела императора по выступлении из Новгорода, Тарасов просил Орлова-Денисова произвести еще раз до Царского Села освидетельствование тела. На втором переходе оно было произведено в присутствии графа Аракчеева, подписавшего вместе со всеми прочими акт освидетельствования. Наконец, император Николай поручил Виллие до прибытия в Царское Село еще раз осмотреть тело, это было произведено в Бабине.

28 февраля процессия приблизилась к Царскому Селу. Император Николай выехал навстречу шествию, его сопровождали великий князь Михаил Павлович, принц Вильгельм Прусский, принц Оранский и первые чины двора. Там же находились также царскосельские жители с духовенством и крестьяне царскосельского дворцового ведомства. День был солнечный и довольно теплый, так что на шоссе таял снег и была грязь, по словам Тарасова. «Сошед с коляски, император, приближаясь к колеснице, поклонился в землю, потом, вошед на колесницу, упал на гроб и залился слезами; с другой стороны колесницы то же сделал Михаил Павлович. По совершении литии шествие двинулось к Царскому Селу, император с братом в траурных плащах и распущенных шляпах следовали непосредственно за колесницей пешком до дворцовой церкви, в которую внесен был гроб и поставлен на великолепный катафалк под балдахином…

Вся императорская фамилия с детьми, кроме царствующей императрицы, вошла в церковь при благоговейной тишине, и все целовали в лицо и руку покойного. Эта сцена была до того трогательна, что я не в состоянии вполне выразить оную…»

5 марта тело императора Александра было перевезено из Царского Села в Чесму и поставлено в церкви дворца. Тарасов говорит, что «в двенадцатом часу вечера, в присутствии князей Куракина и Голицына, при подобающем церковном обряде, тело императора, по моему указанию, из прежнего деревянного гроба в свинцовом гробе переложено в новый бронзовый великолепный гроб; ковчег с внутренностями был помещен в гробе, в ногах, а ваза с сердцем у самого тела с левой стороны груди. Прежний же гроб тут же был разобран и распилен и со всеми принадлежностями в кусках помещен был в новый». Граф Комаровский пишет по этому поводу: «Переложение это было делано одними только генерал-адъютантами, бывшими при его величестве, в числе которых и я находился».

6 марта шествие двинулось из Чесменского дворца в Петербург. День этот с утра был пасмурный, морозный, с ветром и снегом. За гробом следовали император Николай, великий князь Михаил Павлович, чужестранные принцы, герцог Веллингтон и многочисленная свита, все в черных шляпах и плащах.

В половине второго часа пополудни прибыли к Казанскому собору. Здесь в продолжение семи дней закрытый гроб Александра был выставлен на поклонение народу. Собор посетила огромная масса людей. Тарасов утверждает, что «императору было доложено об открытии гроба для жителей столицы, но его величество не изъявил на то своего согласия, и, кажется единственно по той причине, что цвет лица покойного государя был немного изменен в светло-каштановый, что произошло от покрытия его в Таганроге уксусно-древесною кислотою, которая, впрочем, нимало не изменила черт лица».

Но Волконский еще 7 декабря 1825 года так писал из Таганрога Г.И.Вилламову по поводу этого: «Мне необходимо знать, совсем ли отпевать тело при отправлении отсюда, или отпевание будет в Санкт-Петербурге, которое, ежели осмеливаюсь сказать свое мнение, приличнее,

полагаю, сделать бы здесь, ибо хотя тело и бальзамировано, но от здешнего сырого воздуха лицо все почернело, и даже черты лица покойного совсем изменились, через несколько же времени и еще потерпят; почему и думаю, что в Санкт-Петербурге вскрывать гроба не нужно, и, в таком случае, должно будет здесь совсем отпеть, о чем и прошу вас испросить высочайшее повеление и меня уведомить через нарочного».

13 марта 1826 года в 11 часов при сильной метели погребальная процессия направилась из Казанского собора в Петропавловскую крепость. Она следовала по Невскому, Большой Садовой, Царицыну лугу, через Троицкий мост. В тот же день происходили отпевание и погребение. Во втором часу пополудни пушечные залпы возвестили миру, что Александр предан земле.

За несколько дней до погребения Николай I писал Лагарпу следующее: «Посреди самого печального торжества и, так сказать, на могиле того, коего мы оплакиваем кончину, отвечаю вам на письмо ваше от 16 января. В подобную минуту мысль моя должна, по естественному течению, перенестись на вас, и я еще живее мог оценить те чувства, кои вы мне выражаете. На ваших глазах, вашими попечениями развивались первые семена тех благородных качеств, которые из императора Александра сделали славу России и которые приобщили все человечество к плачу об его утрате. Мое сердце подсказало мне то, что должно было происходить в вашем, когда вы имели несчастие узнать, что этот великий монарх взят от нас, от нашего уважения и наших надежд. Связь, существующая между нами вследствие этой общей скорби, останется для меня всегда священной. Поверьте, что я никогда не забуду ни привязанности к вам покойного моего брата, ни минут, проведенных мною самим с вами, и что мне всегда приятно будет возобновить вам уверения в искреннем моем уважении».

В то время, когда схоронили Александра, его вдова, императрица Елизавета Алексеевна, еще находилась в Таганроге, она чувствовала себя все хуже и хуже. Несомненно, что на нее резко повлияла смерть Александра, с которым у нее наладились было уже отношения во время пребывания в Таганроге; такой удар перенести было нелегко – и она его не перенесла.

12 апреля Волконский пишет императору Николаю из Таганрога следующее: «Долгом почитаю вашему императорскому величеству всеподданнейше донести, что слабость здоровья вдовствующей государыни императрицы Елизаветы Алексеевны вновь увеличивается. Сверх того, ее императорское величество чувствует в груди иногда сильное удушье, которое мешает даже говорить, и сама изъявила г-ну Стоффрегену опасение водяной болезни в груди. Хотя г-н Стоффреген не уверен, что таковая болезнь существует, но начинает, однако, сильно беспокоиться, предложил ее величеству лекарства для предупреждения оной и надеется, что предполагаемое путешествие может отвратить сию болезнь.

В прошедшую субботу, 10 числа, государыне императрице угодно было повелеть переставить походную церковь в ту комнату, где покойный государь император скончался; может легко быть, что воспоминание горестного происшествия производит сие действие над ее величеством. Не менее того не могу скрыть пред вашим императорским величеством крайнего опасения худых от сего последствий».

21 апреля Елизавета Алексеевна выехала из Таганрога, она направилась в Петербург на Харьков, Калугу. Здесь должно было состояться у нее свидание с императрицею Марией Федоровной, выехавшей к ней навстречу из Петербурга.

Слабость Елизаветы Алексеевны все увеличивалась и скоро дошла до того, что она могла с трудом лишь говорить. Волконский в письме к Вилламову, сопровождавшему императрицу Марию Федоровну, просил ее предупредить, что положение императрицы Елизаветы Алексеевны становится все хуже, «оно так худо, что ее величество найдет ужаснейшую в ней перемену. Не могу описать вам, милостивый государь, всех беспокойств моих насчет здоровья ее императорского величества во время путешествия и беспрестанно молю Бога, чтобы сподобил благополучно доехать до Калуги».

3 мая прибыли на ночлег в Белев, уездный город Тульской губернии, крайняя слабость препятствовала ей продолжать путь. Императрица Мария Федоровна была уже в Калуге, но по письму Волконского выехала немедленно в Белев, как того желала Елизавета Алексеевна. А уже 4 мая в шестом часу утра камер-юнгфера застала императрицу мертвой. Таким образом, Мария Федоровна уже прибыла в 10 часов утра только к панихиде по умершей невестке.

Граф Бенкендорф в своих записках так характеризует покойную императрицу: «Прекрасная собою, любезная, умная, Елизавета Алексеевна показала большую твердость духа в ту эпоху, когда нашествие Наполеона угрожало целости империи. Она имела свои слабости, свои вины перед супругом, и хотя сначала играла роль, всегда вызывающую участие, женщины покинутой, ревностной патриотки, но ее холодность и совершенное удаление от общества внушили всей почти нации полное к ней равнодушие; под конец своей жизни император Александр, разочарованный суетностями мира и увлеченный мистицизмом, возвратился к своей супруге. Таганрогское уединение возобновило между ними прежние узы».

Легенды и слухи

Таким образом, оба супруга скончались при совершенно исключительных обстоятельствах, один тотчас по возвращении из путешествия, а другая – в дороге. Что касается смерти императрицы Елизаветы Алексеевны, то ввиду ее продолжительной болезни, из-за которой был предпринят самый переезд в Таганрог, болезни, протекавшей на виду у всех еще в Петербурге, то ее кончина никого не удивила, все были к ней подготовлены заранее. Совсем другое следует сказать о смерти Александра I.

Физически он всегда отличался хорошим здоровьем, настолько хорошим, что даже после 16-ти дней изнурительной болезни он сохранил достаточно питание тела, о чем свидетельствует протокол вскрытия и частные записки очевидцев. Тем удивительнее должна была казаться его смерть, особенно если вспомнить, что первые известия о болезни самой были получены уже очень поздно, перед самым получением известия о смерти – все время стеснялись беспокоить родных в Петербурге. Конечно, невольно смерть его должна была заинтересовать широкие круги населения, так как даже после смерти его вопрос о престолонаследии вызвал целый ряд более или менее трагических событий. В то время сношения окраин с центром и со столицей происходили медленно, известия шли долго, а точные сведения еще дольше, скорее распространялась всякая сплетня, всякий ложный слух, и на этой почве разрастались целые легенды, рассказы и пр.

Можно сказать даже, что молва бежала впереди гроба Александра: ко времени прибытия его тела в Москву шли уже такие разнородные и тревожные слухи, что власти все время были заняты тем, как оградить процессию от возможных насилий и осложнений со стороны народа и толпы, для этого они запасались, как всегда в подобных случаях, возможно большим количеством войска, расставляли и размещали всюду отряды и шпалеры войск и только тогда чувствовали себя несколько спокойнее.

Опасались, например, что в Туле оружейники рабочие вскроют гроб; боялись того же при въезде в самую Москву и т. п.

В архиве канцелярии военного министерства хранится записка, составленная неким дворовым человеком Федором Федоровым, которому удосужилось собрать эти слухи и свести их в одно целое; записка эта озаглавлена так: «Московские повести, или Новые правдивые и ложные слухи, которые после виднее означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить не одних не могу, но решился на досуге списывать для дальнего время незабвенного, именно 1825 года, с декабря 25 дня».

Не все слухи относятся к самому Александру, некоторые касаются Константина Павловича; наиболее характерные следующие: 3 слух – государя убили, изрезали и долго его тело искали, и наверное не могут утвердить, нашли ли его тело, и нельзя узнать, для того на лицо сделали восковую маску; 7 слух – государя напоили такими напитками, от которых он захворал и умер. Все тело его так почернело, что никак и показывать не годится. Для того и сделали восковую накладку, а гроб свинцовый в 80 пудов; 9 слух – государь жив, его продали в иностранную неволю; 10 слух – государь жив, уехал на легкой шлюпке в море; 11 слух – гроб государев везут ямщики, которым дано за провоз 12 тысяч рублей, что находят весьма подозрительным; Шульгин, московский полицеймейстер о сем разговаривал, да и князь Голицын, московский генерал-губернатор, находится в немалом сомнении о сем; 20 слух – князь Долгоруков, Юрий Владимирович, престарый князь, после блаженныя кончины Александра I не присягал еще ни одному из новых государей, а желает прежде видеть тело покойного государя своими глазами в лицо, тогда и присягнет кому должно, то народ из оного ожидает чего-нибудь невеселого; 24 слух – когда государь поехал в Таганрог, то за ним гнались во всю дорогу многие господа с тем намерением, чтобы убить его; двое и догнали в одном местечке, но убить не

осмелились. Так народ заключает, что государь убит в Таганроге верноподданными извергами, ну т. е. господами благородными душами, первейшими в свете подлецами; 25 слух – графиню Орлову и жену графа Потемкина высекли плетьми за то, что они делали балы, на которых были заговоры на царскую фамилию, а они не могли оного доказать императору, верные фрейлины, распренеблагородные канальи; 31 слух – во время проезда через Москву государева тела был в Москве из некоторого села дьячок, смотрел и он, и при приезде его в село стали его спрашивать мужики, видел ли государя, а он ответил: какого государя, это черта везли, а не государя. Тогда мужик его ударил в ухо и объявил управителю и попу, то оного дьячка взяли в Москву, и попа и дьякона тоже. Попа-то отпустили из Москвы и от службы отрешили, а дьячка и дьякона и теперь держат, и неизвестно, что будет с ними; 33 слух – царского кучера Илью Байкова отравили ядом в пирожке и никак не могли его отпоить молоком, а доктор, который лечил государя, помер, приехавши в Петербург; 34 слух – когда привезут государя покойного в Петербург и поставят тело его в означенном соборе, тогда вся царская фамилия будет его осматривать, а другого звания, кроме царской фамилии, не будет в соборе никого, а тело его будет вынуто из гроба и осмотрено кем следует; 36 слух – государя, когда привезут в Петербург, то станут его осматривать при иностранных королях и посланниках; 37 слух – государево тело сам государь станет встречать, свое тело, и на 30 версте будет церемония им самим устроена, а везут его адъютанта, изрубленного вместо него, который ему сказал, а он бежал тогда и скрывался до Петербурга.

39 слух – когда государь был в Таганроге, то приходили к той палате несколько солдат и спрашивали, что государь делает, им отвечали, что государь пишет, то и пошли прочь, также и на другой день пришли, получили тот же ответ и ушли опять. Когда пришли на третью ночь, им ответили, что государь ходит по покоям, то один солдат взошел к государю и сказал ему: «Вас сегодня изрубят, приготовьтесь непременно» – на что государь сказал солдату: «Хочешь за меня быть изрубленным?» Солдат сказал: «Я не хочу ни того ни другого». Тогда государь сказал ему: «Ты будешь похоронен, как я, а род твой будет весьма награжден», – и солдат на оное согласился. Он надел на себя царский мундир, а государя спустил в окно, а на солдата вбежали изверги и всего изрубили вместо государя и т. д.; 42 слух – когда Александр Павлович был в Таганроге, и там строился дворец для Елизаветы Алексеевны, то государь приехал в оный с заднего крыльца, стоявший там часовой остановил его и сказал: не изволите входить на оное крыльцо, вас там убьют из пистолета. Государь на это сказал: «Хочешь ли ты, солдат, за меня умереть? Ты будешь похоронен, как меня должно, и род твой будет весь награжден». Солдат на оное согласился, а государь надел солдатский мундир и стал на часы, а солдат надел царские, государя, шинель и шляпу и пошел в отделываемый дворец, прикрыв лицо шинелью. Как взошел в первые комнаты, то вдруг из пистолета по нем выстрелили, но не попали, солдат повернулся, чтобы назад идти, то другой выпалил по нем, прострелил его, солдата подхватили и потащили в те палаты, где жила супруга государева, и доложили ей, что государь весьма нездоров, и потом после помер, яко государь. А настоящий государь, бросив ружье, бежал с часов, но неизвестно куда, и писал Елизавете Алексеевне письмо, чтобы оного солдата похоронили как меня.

Кроме того, в письмах Александра Булгакова к брату его Константину, напечатанных в «Русском Архиве», находятся тоже указания на распространение всевозможных слухов, так, например, 27 января 1826 года он пишет: «Не поверишь, что за вздорные слухи распространяют кумушки и пустословы по городу. Жаль, право, что князь Дмитрий Владимирович (Голицын) удостаивает их внимания, что много говорят о мерах, кои возьмутся для прекращения или предупреждения беспорядков. Говорят, что подписками обязывают фабрикантов не выпускать фабричных в день процессии, что кабаки будут заперты, и множество других подобных мер. Князь поставит себя в неприятное положение и заслужит нарекание справедливое тех, коих не допустит принять участие в отдании последнего долга».

В письме 4 февраля говорится: «Филарет с духовенством лобзали останки бесценные, а после все царевичи, князь Дмитрий Владимирович, генерал-адъютанты и т. д. Как я буду теперь дурачить и смеяться над глупцами, кои трусили уезжать из Москвы или просили часовых для себя на это время. Да я своею головою ручался моей жене и всем, что весь город будет покоен, что вид гроба Александра I заставит все на свете забыть и что в народе одно только будет чувство – скорбь. А, конечно, бездельники были деятельны и рассеивали разные глупые слухи, кои дураков пугали. Благоговение народа было таково, что нельзя не быть тронуту. Надобно было видеть, с каким чувством все прикладывались, все почти в землю. Во всю ночь были поклонщики. Ночь не была потеряна. Дабы доставить всем удовольствие приложиться к бесценному праху, впускали солдат здешнего гарнизона».

В письме 7 февраля: «Александр Сергеевич Маркович, фельдъегерь, бывший при государе во время его болезни, кончины и после оной, видел все происходившее в горестное это время, обмывал драгоценное тело, дежурил четверо суток при оном, не спавши; открытие тела, бальзамировка, – все это происходило в его глазах. Я не мог от него оторваться, и он, видя наше любопытство, удовлетворял оное в полной мере. Первый консилиум, на который государь очень неохотно согласился, говоря Виллие, что он в нем не сомневается и что все делается по воле Божьей, был 13 числа. Кроме Виллие были так же Стоффреген и Рейнгольд; сей, вышед оттуда, сказал Марковичу на ухо: «Золотое время было упущено». Государь не хотел слышать о лекарствах сначала, когда можно было разорвать болезнь. Крепкое его сложение столь оную преодолевало, что еще 11-го изволил сам бриться без всякой усталости, беспрестанно повторял: «Не мучьте меня. Дайте мне покой!»

И когда императрица стала наиубедительнейше его уговаривать принять лекарство, то император, не имея, чем возразить, просил ее оставить на некоторое время одного, дабы отдохнуть и воспользоваться наклонностью, которую чувствует ко сну. Когда приставили пиявки, то, как скоро чувствовал действие оных, государь срывал их сам руками и кидал на пол.

Все теперь видели, сколь гнусна была клевета, выдуманная на верный, богобоязливый и кроткий народ русский. Сказали, что, когда прибудет тело сюда, народ потребует вскрытия гроба, чтобы убедиться в смерти государевой.

Какая нелепость. Ужели все сии генералы, адъютанты и все, сопровождающие тело (назовем одного Илью, плачущего на козлах), ужели они и весь Таганрог в заговоре сем, обмануть Россию? Слухи сии однако же стали беспокоить князя Д.В.; он думал всему пособить, напечатав, что тело было отпето, и напрасно, ибо правда всегда узнается».

Здесь нелишне будет дать описание дворца в Таганроге, где умер Александр I, в его настоящем виде: дворец в Таганроге состоит из небольшого одноэтажного каменного домика, имеющего тринадцать окон на улицу; направо ворота, ведущие во двор, где имеется подъезд во дворец, а на левой стороне небольшой сад. Фасад дома окрашен темной охрой, а украшения на нем белой краскою; крыша, как надо полагать, была зеленого цвета. Вообще по наружному своему, весьма скромному виду, здание не походит на дворец. Всех комнат во дворце двенадцать; они маленькие до чрезвычайности, не высоки; окна небольшие; меблировка старинная, красного дерева, сохраняемая в чехлах со времен Александра I. Некоторые комнаты окрашены, некоторые оклеены обоями. План внутренний дворца следующий: маленькая передняя в одно окно во двор и рядом с нею приемная в два окна; из нее ход в зал, имеющее на улицу и во двор по три окна, в зале стулья, два стола и часы в углу. Из зала направо – дверь в домовую церковь, устроенную после кончины Александра I в той комнате, в которой он скончался, а налево – в гостиную и затем спальню императора и другие комнаты.

Живопись на иконах церкви настолько закопчена и загрязнена в настоящее время, что судить об ее достоинстве весьма трудно; в алтаре весьма плохое изображение Иисуса Христа, несущего крест. Иконостас зеленого цвета, с написанными белыми колоннами, с золотыми украшениями и надписью: «С нами Бог, разумейте языцы – и покоряйтеся, яко с нами Бог».

Под алтарем, в подвальном помещении, имеется памятник, сделанный из бута; он как бы поддерживает потолок. На памятнике вделана бронзовая доска с изображением кончины Александра; барельеф, но очень плохой. Памятник окружают девять колонн, окрашенных белой краской. По рассказам, под этим памятником погребены внутренности Александра.

Служащие при дворце ошибочно ныне указывают на комнату, где будто бы скончался император; эта комната имеет два окна на улицу и находится между государевой гостиной, прилегающей к залу, и опочивальней императрицы; но этот покой не более как одна из комнат, входивших в число апартаментов императрицы Елизаветы Алексеевны. В углу этой комнатки помещается большой турецкий диван, обитый когда-то розовой материей, ныне выгоревшею и сделавшейся желтого цвета. У дивана – ширмы из той же материи. У того же дивана в головах стол, покрытый ковром, вышитый, по рассказам, самой императрицей. Над столом в настоящее время помещен портрет в старинной раме императора Александра II. В противоположном углу печь; около нее бюро с мраморным бюстиком Александра I. Ковры старые. В спальне императрицы: кровать, стол, кресла, наугольник и портрет ее масляными красками, по-видимому, копия. Из спальни этой вход в гостиную государыни; оттуда в комнату дежурного генерала и затем в библиотеку, имеющую одно окно во двор и вдоль стен книжные шкафы.

Характер Александра и его болезнь

Итак, события последних десяти лет царствования Александра I и в особенности изменения в его личности и характере, происшедшие к концу его жизни, настолько были резки и соответственно поражающи, что современники и окружающие его не могли не останавливаться мысленно на этих переменах. Говорить о них вслух было опасно, можно было лишиться всего благосостояния, надо было таить свои наблюдения и мысли, можно было делиться ими только лишь с самыми верными друзьями. Атмосфера таинственности сгущалась вокруг императора, он сам тоже поддавался общему настроению и поддерживал его. Он никому не доверялся и всех опасался. Ему нужно было иметь около себя таких церберов, как Аракчеев, и ему одному он сравнительно верил.

Страсть к передвижениям, проявившаяся особенно сильно в эти годы, совершенно не соответствовала нуждам управления государством, скорее и вернее, это было просто неудержимое стремление к перемене места, чтобы не оставаться подолгу где-нибудь в одном месте, это было болезненное явление со стороны человека, не доверяющего никому и опасающегося всех. Ему было все равно, ездить ли в пределах своей империи, или отправиться вне ее, – только бы не засиживаться долго. Даже в последнюю поездку, едва успев прибыть на место, Александр уже едет дальше, едет в неудобное для осмотра и путешествий время и возвращается домой уже совершенно больным. Но это лишь одна из черт болезненно измененного характера Александра.

Другая не менее важная черта – это мистицизм, это набожность и крайняя религиозность. На этой почве Александр сошелся даже с таким изувером и несомненно душевнобольным человеком, как Фотий. Стоит только припомнить сцену аудиенции, данной Фотию, по описанию последнего, чтобы понять ясно, что здесь перед нами не один, а скорее два больных человека. Ведь, в самом деле, надо совершенно утратить способность правильной критики окружающего, чтобы принимать серьезно, с благоговением, все причитания и выходки этого изувера, чтобы представлять себя понимающим всю галиматью, которую он выкладывал перед слушателем, надо было довольствоваться исключительно формой, а не содержанием, чтобы на коленях просить молитвы и заступничества этого малопонимающего, необразованного, неосмысленного фанатика, произносившего набор фраз об Антихристе и Страшном суде, и не только слушать, но еще и восхищаться и умиляться. Эта же слабость критики проявляется и по отношению к другому злому гению Александра – Аракчееву, когда никакие самые убедительные жалобы, просьбы, восстания и возмущения не могли подвинуть Александра на то, чтобы вникнуть в суть и проверить, правда ли в колониях все так хорошо, как ему расписывал временщик и как ему показывали при мимолетном осмотре. И это не было какое-нибудь маловажное, по его мнению, дело, которое было недостойно его внимания, нет, это, по его же признанию, было делом очень серьезным и важным.

Вполне гармонирует с этим и страсть говорить и действовать загадками, какими-то полунамеками, таинственно. Возьмем хоть опять-таки очень важный и серьезный вопрос о престолонаследии. Александру было хорошо известно, что по его же манифесту о наследии престола Константин не мог бы вступить на него вследствие своей женитьбы на польке, следовательно, тут даже не было выбора другого, как объявить всенародно еще при своей жизни наследником Николая, а на деле оказывается, что Александр предпочитает намекнуть, и даже не раз, Николаю об этом в частном разговоре, без свидетелей, ухитряется самым таинственным образом спрятать три документа об этом с предписанием вскрыть их после своей смерти и хранить упорное молчание и никому не выдать тайны о содержании этих документов даже на смертном одре.

Приведем текст этого интересного документа:

«Объявляем всем верным нашим подданным. С самого вступления Нашего на Всероссийский Престол непрестанно Мы чувствуем себя обязанными пред Вседержителем Богом, чтобы не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствие возлюбленного нами Отечества и народа, но также предуготовить и обеспечить их спокойствие и благосостояние после Нас чрез ясное и точное указание Преемника Нашего сообразно с правами Нашего Императорского Дома и с пользами Империи. Мы не могли, подобно предшественникам Нашим, рано провозгласить его по имени, оставаясь в ожидании, будет ли благоугодно неведомым судьбам Божиим даровать Нам наследника престола в прямой линии. Но чем далее протекают дни Наши, тем более поспешаем Мы поставить Престол Наш в такое положение, чтобы он ни на мгновение не мог оставаться праздным.

Между тем, как Мы носили в сердце Нашем сию священную заботу, Возлюбленный Брат Наш Цесаревич и Великий Князь Константин Павлович, по собственному внутреннему побуждению, принес нам просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое он мог бы некогда быть возведен по рождению своему, предано было тому, кому оное принадлежит после него. Он изъяснил при сем намерение, чтобы таким образом дать новую силу дополнительному акту о наследовании Престола, постановленному нами в 1820 году, и им, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Наш Возлюбленный Брат с таким забвением своей личности решился принести для утверждения родовых постановлений Нашего Императорского Дома и для непоколебимого спокойствия Всероссийской Империи.

Призвав Бога в помощь, размыслив зрело о предмете, столь близком к Нашему сердцу и столь важном для государства, и находя, что существующие постановления о порядке наследования Престола у имеющих на него право не отъемлют свободы, отрешись от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола, с согласия Августейшей родительницы Нашей, по дошедшему до Нас наследственно Верховному праву Главы Императорской Фамилии и по врученной Нам от Бога Самодержавной Власти, Мы определили: во-первых, свободному отречению первого Брата Нашего Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича от права на Всероссийский Престол быть твердым и неизменным; акт же сего отречения, ради достоверной известности, хранить в Московском большом Успенском соборе и в трех высших правительственных местах Империи Нашей: в Святейшем Синоде, Государственном совете и Правительствующем Сенате. Во-вторых, вследствие того на точном основании акта о наследовании Престола Наследником Нашим быть второму Брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу.

После сего мы остаемся в спокойном уповании, что в день, когда Царь Царствующих, по общему для земнородных закону, воззовет Нас от сего временного Царствия в вечность, Государственные сословия, которым настоящая непреложная воля Наша и сие законное постановление Наше в надлежащее время по распоряжению Нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою назначенному Нами наследственному Императору единого нераздельного Престола Всероссийской Империи, Царства Польского и Княжества Финляндского. О Нас же просим всех верноподданных Наших, да они с тою любовью, по которой Мы в попечении об их непоколебимом благосостоянии полагали Высочайшее на земле благо, принесли сердечные мольбы к Господу и Спасителю Нашему Иисусу Христу о принятии души Нашей, по неизреченному Его милосердию, в Царствие Его Вечное».

Последняя фраза написана князем Голицыным, так как четыре варианта ее, представленные Филаретом, не понравились Александру; он подчеркнул в первом варианте слова: «чаем непреемственного царствия на небесах» – чем поставил в затруднительное положение митрополита.

Здоровый во всех отношениях, крепкий умственный аппарат не допустил бы сделать это при ясном понимании важности такого поступка и серьезности его для страны. Не есть ли это явление слабости, дефекта?

Ту же таинственность мы видим далее и при отъезде из Петербурга в Таганрог, при посещении отшельника в Невской лавре и т. д.

С другой стороны, о существовании болезненной подозрительности в Александре нам говорит не только его страсть к путешествиям, но и такие факты, как упорный отказ от лекарств во время болезни в Таганроге или дело расследования о камешке, попавшем в хлеб, испеченный поваром во время пребывания в Таганроге, когда Волконскому едва удалось убедить императора в отсутствии злого умысла с чьей-либо стороны. Мы видим, как во время болезни Александр часто посылал за императрицей, чтобы она присутствовала во время его обеда, и случалось тоже, что он обращал ее внимание на особенность вкуса того или иного блюда или питья; если не считать это изменением вкуса уже вследствие острой болезни, то, конечно, придется отнести его на счет психической причины.

Мы не имеем прямого основания предполагать существование галлюцинаций у Александра, но его беседа с Фотием дает повод думать, что внушенным образом могло на этот раз дело дойти до появления их, а с другой стороны, при скрытности Александра вообще, можно думать, что он мог тщательно скрывать их, как это делают обычно больные, и притом так искусно, что никому и в голову не могло придти подозревать что-либо подобное.

Однако нередко можно было слышать от современников, что государь находится «как бы в каком-то душевном затмении». Да и было от чего. Помимо тяжелой наследственности, было много причин, начиная с войны 1812 года, могших вызвать в совокупности своей не одно только нервное расстройство, а и более серьезного характера болезнь.

Наводнение с его ужасами, бунты поселений и расправы Аракчеева, опасения новой войны, происки Меттерниха, интриги собственных придворных, – все это могло подорвать здоровье Александра и вызвать в нем прямо отвращение и к этой обстановке, и даже к самой жизни; это мы и видим на самом деле; он не раз упоминал, что желал бы сдать бремя власти преемнику, а во время пребывания в Вероне это так было резко видно, что Меттерних в своих записках прямо назвал тогдашнее состояние императора «утомлением жизнью».

Настроение духа Александра было мрачное, он высказывал, например, императору Францу о томившем его предчувствии близкой смерти. Это было за три года до рокового исхода.

Такие расстройства умственной и чувственной сферы, естественно, должны были непосредственно отразиться и на волевой деятельности Александра. Это мы и видим на деле. Последние годы Александр метался, можно сказать, от одного пристанища к другому, от Сперанского к Аракчееву, от Филарета к Фотию, от князя Голицына к адмиралу Шишкову – и нигде не находил удовлетворения.

Говоря словами современника, можно сказать, что «в последние годы царствования Александра бессильная геронтократия[1] дремала у государственного кормила: старики – Татищев, Лобанов, Ланской, Шишков – казались скорее призраками министров, чем настоящими министрами: всеми делами заправляли их подчиненные, каждый по своей части, без всякого единства. За всех бодрствовал один всем ненавистный Аракчеев».

Ему Александр совершенно не мог и не умел противопоставить свое желание, свою волю; он лишь робко «решается напомнить о возможности пристрастия и ошибочности единоличного суда и расправы над бунтовщиками и, сделавши это, как бы тотчас забывает сам свои слова и уже нигде больше этого не повторяет».

[1] Правление старейшин в Спарте.

Такое состояние духа и воли Александра послужило темой для исследования одному из русских ученых-психиатров[2].

Правда, что наш ученый профессор рассматривает болезненное состояние Александра I несколько под другим углом зрения, – он считает это изменение воли за результат недоразвитости характера в виде *слабой недоразвитой воли* при удовлетворительном развитии ума и чувств, но в том-то и дело, что и последние упомянутые области, как мы видели уже, надо признать не вполне целыми, а значительно пострадавшими.

Тем не менее, мы считаем необходимым привести доказательства профессора, как они изложены у него: «Подобный характер (т. е. болезненно недоразвитый в волевом отношении) остается без особенных последствий в некоторых профессиях, в особенности в профессиях умственного труда (ученые, художники, артисты). Но в тех профессиях, где требуется практическая деятельность, в особенности там, где необходимо влияние на людей, управление массами, где предстоит выбор и смена сотрудников, – словом, в сфере политической и административной, – люди с недоразвитой волей часто оказываются бессильными и бездеятельными. Для неограниченного же монарха подобный характер является роковым, служа соблазном для простора и смелости временщиков.

Таким характером отличался император Александр I.

Император Александр I представлялся своим современникам «загадочной личностью», «неразгаданным сфинксом», человеком, которого они сами не понимали, но о котором думали, что его не поймет и потомство. Наиболее затруднений в понимании личности Александра I представляли те противоречия в его характере, те черты, которые совершенно несовместимы и совершенно исключают одна другую. В настоящее время характер подобного рода уже не представляет затруднений для психологического анализа».

По словам профессора, «Александр I был натура, одаренная тонким художественным развитием чувств при среднем уме и слабой воле. В этом особенном сочетании душевных сил, в этой психической односторонности и несоизмеримости кроется разгадка всех противоречий и неожиданностей, которыми переполнена была жизнь этого глубоко симпатичного и столь же несчастного человека».

При жизни императора и впоследствии, для объяснения его действий и характера, придавали нередко значение той противоположности впечатлений, среди которых он рос, находясь под влиянием бабки и впоследствии отца. Хотя эти влияния, несомненно, были противоположны, но корень зла лежал в самом природном складе характера Александра I. Быть может, если бы это обстоятельство в ту пору было понятно, как теперь, воспитание будущего императора могло быть иным, а в зависимости от этого и сама жизненная судьба его более счастливой. Но в ту эпоху педагогическая психология едва начиналась, а о возможности существования односторонних или неразвитых характеров еще ничего не было известно.

В детстве Александр был весел, беззаботен и уже очень рано обнаруживал доброту, нежность и сочувствие к людям. Вместе с тем он показывал любознательность, внимание, рассудительность, ловкость и вкус к изящному. Но в то же время развитие воли далеко не соответствовало развитию ума и силе чувства, и императрица Екатерина, близко следившая за ним с момента рождения, не без удивления отмечает эту особенность его характера. Она следующим образом выражается о «господине Александре»: заговорю о чем-нибудь дельном, он весь – внимание, заставлю его играть в жмурки – он и на это готов, одним словом, он мальчик, соединяющий в себе множество противоположностей. Противоположности вытекали из резкой разницы в степени развития у него основных сторон души – чувства и воли. Эта разница низвела до минимума пользу, какая могла бы быть извлечена из многих прекрасных сторон его

[2] Профессор Сикорский. «Вопросы нервно-психической медицины». Клев, 1901 г.

души и привела почти к отрицательным результатам жизненное значение этой благородной и великодушной личности.

Слабость воли Александра I сделала некоторые чувства его чрезмерными, давая полный простор их одностороннему росту. Во всю свою жизнь император был не способен подавить в себе робость, конфузливость, тщеславие, обидчивость; он часто плакал, и слезами и вздохами зачастую разрешались у него напряжения души, ждавшие и требовавшие иного исхода. Оттого его добрые качества оставались неустойчивыми и при первых испытаниях жизни обращались в противоположные модификации: доверчивость, кротость и ловкость – в подозрительность, строгость, неприступность.

Слабость воли, говорит Сикорский, выступала решительно во все моменты жизни, и это обозначилось всего яснее в тот период, когда воля получает свое окончательное развитие, т. е. с наступлением юности. В детские годы и в отрочестве еще не бывает полного развития воли, и это не нарушает гармонии духа и не отзывается резко в поступках и действиях, но в юношеском, а в особенности в зрелом возрасте слабая воля вносит непоправимый диссонанс в психический склад человека, в его внутренний мир и его деятельность.

Благодаря слабой воле Александр не мог сдерживать порывов фантазии и не мог напрягать свое внимание в здоровом добром направлении. Отсюда – мечтательность, составлявшая решительную черту его характера. Предаваясь великодушным мечтам, он создал себе умственный культ служения добру и осуществлял это добро скорей в мечтах и фантазии, чем в действительности. Эту черту замечает в нем князь Чарторыйский во время знаменитой трехчасовой беседы с юным Александром в Таврическом саду.

«Слабость воли и преобладание чувства, этот роковой порок души, сказывался более всего при встрече личности Александра с другими. Не только люди, сильные умом и волей, брали перевес над личностью Александра, но даже фанатики, т. е. люди, лишенные развития ума, а лишь сильные волей, подавляли и подчиняли его. Он преклонялся не перед сильным чувством, не перед непоколебимой логикой, но пред простым решительным напряжением воли, хотя бы за этой волей не было ни высших чувств, ни логики. При таких свойствах своего характера Александр I не только не мог осуществить благородных стремлений и возвышенных идеалов своей души, не только не мог отстоять своих принципов, но был бессилен защищать свою собственную личность от нравственного порабощения грубых и смелых людей, лишенных того тонкого понимания и того чутья истины, каким обладал император. Фанатический узкий ум Фотия и грубая практическая душа Аракчеева овладели Александром и подчинили его себе. Тонкие художественные чувства Александра, оставаясь одинокими в душе и не находя для себя поддержки ни в проницательном уме, ни в сильной воле, не могли устоять и постепенно вырождались. Личность императора с течением времени не только не совершенствовалась в нравственном смысле, но отступала назад. Император бесплодно волновался, нравственно страдал и подчас тяжко мучился, но был бессилен предупредить органическое изменение своего характера. (Мы, разумеется, говорим, – прибавляет Сикорский, – о физических, а не о патологических изменениях характера[3].)

Роковой процесс порчи характера начался у Александра очень рано – с того периода, когда надлежало бы наступить полному развитию воли, т. е. с юношеского возраста. Уже в это время у него высказываются первые признаки слабости воли: на него по временам нападали ничем не объяснимые медленность, праздность и лень, столь мало свойственные острому живому направлению юношеского ума. Слабая воля не могла удержать Александра от физических эксцессов, наступивших вслед за его ранним браком и повлекших за собою не только физическую слабость, но и заметную умственную усталость и бездеятельность. Пустота души, вызванная такими переменами, заполнялась пустым, ничтожным и нередко недостойным пре-

[3] А между тем в них-то вся и суть. – *Прим, автора.*

провождением времени в обществе парикмахера Романа и прочих «комнатных», на что неоднократно жалуется Протасов.

Но всего резче и очевиднее слабость воли Александра сказывается там, где требовалось единовременное напряжение ума и воли. Тут он обыкновенно слабел и уступал, отдаваясь бесплодным волнениям. Так он поступил в 1796 году, когда нужно было дать решительный ответ на предложенный ему пост наследника престола. Так он отвечал и в ту, гораздо более важную минуту, которая предшествовала смерти императора Павла. Сначала молчание, вздохи, а затем уступка, как справедливо замечает Шильдер.

Слабость воли, бессилие отстаивать свою независимость и личность рано развило в Александре черту, стоящую резким диссонансом в его честной возвышенной душе. Мы разумеем уклончивость, обратившуюся впоследствии в скрытность и обман. На эту черту указывает и жалуется и Екатерина, и другие лица, имевшие близкое отношение к Александру. Уклончивость, скрытность, а затем и двоедушие помогли ему выходить из затруднений там, где требовалась прямота и решительная воля для отстаивания своих убеждений и предначертаний. Обидчивость и мстительность, тщеславие и хитрость постепенно явились плодом слабой воли, бессильной охранять высшие, благороднейшие качества души, которыми был богат Александр. В важных случаях жизни, среди крупных событий, приходило в возбуждение его чувство, но менее возбуждался ум и всего менее воля: он был бессилен в психической борьбе. «Если бы в это время здесь вы были, – говорит он Чарторыйскому о событиях перед своим вступлением на престол, – я бы не позволил себя увлечь на этот путь». Императрица Елизавета Алексеевна говорит, по поводу тех же событий, что «его чувствительная душа навсегда останется растерзанной». Молчание, согласие, вздохи, т. е. бессилие мысли, бессилие воли и одни только волнения. Такая внутренняя борьба, которою жил этот, достойный лучшей участи, человек, кончилась не возвышением, а упадком характера, не прогрессом души, а горестной деградацией. «Он безмерно желает поступать во всем хорошо, он обещает», – говорит о нем Екатерина. Но для осуществления желаний и обещаний необходимы непрерывные напряжения воли. Этого-то и недоставало Александру.

Таким образом из благороднейшего, великодушного юноши, каким был Александр, постепенно, путем естественной психической эволюции, выработался человек, который, по справедливому замечанию современника, был одновременно и великодушным и мечтательным, и двоедушным. Легко понять, что и самый жизненный путь, и осуществление жизненных целей не могло удаться этому человеку, столь не полному в психологическом смысле.

Быть может, нельзя найти лучшего примера для выяснения важности правильного, основанного на психологии воспитания, как грустная жизнь императора Александра I; на примере его видим ясно, что, как бы ни были счастливо выражены отдельные черты характера, окончательный склад души определяется не ими одними, а всей суммой душевных качеств человека. Жизнь зрелого человека вводит в живое действие и в борьбу все силы. От искусства человека, от его нравственных усилий, от неусыпного самовоспитания зависит направление и исход внутренней борьбы, какую ведут между собой лучшие и худшие стороны характера. Исход этот может выразиться то нравственным усовершенствованием, то, наоборот, прогрессивной порчей характера», – заключает Сикорский.

Вполне соглашаясь в общем с первой частью этих строк относительно важности «правильного, основанного на психологии воспитания по отношению не только к Александру, но вообще ко всякому человеку, мы должны совершенно разойтись с ним в коренном вопросе, относящемся до Александра. Вся суть заключается именно в том, что не об эволюции личности должна идти речь при разборе характера Александра в пределах физиологических изменений ее, а о патологических изменениях душевной деятельности под влиянием развития определенного болезненного состояния.

Описываемая Сикорским в его труде «слабость воли» Александра I есть, по нашему мнению, именно результат общего болезненного состояния, затронувшего не только область воли, но и все стороны душевной деятельности Александра, одни в большей степени, другие в меньшей. Например, та скрытность его, о которой упоминается в этой работе, есть не больше как обычная форма подозрительности такого рода больных, старания скрывать иногда бредовые идеи, иногда галлюцинации; как чисто болезненный симптом, сюда же следует отнести и молчание. Как ни старается наш почтенный ученый поставить на первый план чувство и ум императора, но и ему приходится назвать умственные способности его средними, а в одном месте прямо указать на времяпровождение его «пустое, ничтожное, недостойное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.